

ПЬЕСЫ

ПРАХ И ПЕПЕЛ

НИНА ВОРОНЕЛЬ

Н ВОРОНЕЛЬ

ПРАХ И ПЕПЕЛ

МОСКВА — ИЕРУСАЛИМ

НИНА ВОРОНЕЛЬ

ПРАХ И ПЕПЕЛ

(Драматическая поэма)

ИЕРУСАЛИМ

1977

МОСКВА — ИЕРУСАЛИМ

© 1977 N. Voronel

Отпечатано в типографии «Став», Иерусалим.

...И НАКАЗАНИЕ

О том, что сэр Дориан Грей ведет нечистую, развратную жизнь, знали многие, догадывались почти все. Не это было страшной тайной сэра Дориана — многие знали о том, что он делает; никто не знал, что делается при этом с ним самим. В маленькую, тщательно запертую чердачную комнатку, где свирепо дремал чудовищный портрет, имевший скверную привычку заговорицы подмигивать сиятельному натурщику, никому не было доступа...

Когда необъятная страна, ее величество мировая держава, более полувека захлестывается потоками невинной крови и грязной лжи, когда след в след Царю Небесному, который «исходил ее, благословляя», по ней прошелся Великий Кормчий в «мягких сапожках ката», ей до зарезу нужна правда. Она готова ее выслушать — даже если эта правда окажется трагической, ужасной, нестерпимо жестокой. «Вот, что делали со мной!» — восклицает Россия — не без тайной гордости за немислимую тяжесть испытаний, выпавших на ее долю. Но

этим, к сожалению, вся правда не исчерпывается. И Боже вас упаси открыть ей истину в последней инстанции — не о том, что с ней д е л а л и , но унижительную, тошнотворную истину о том, что с ней с д е л а л и . Боже вас упаси написать ее портрет!

«Дориан взглянул на портрет — и вдруг в нем вспыхнула неукротимая злоба против Бэзила Холлуорда, словно внушенная тем Дорианом на портрете, нашептанная его усмехающимися губами... Очутившись за спиной Холлуорда, он схватил нож и повернулся. Холлуорд сделал движение, словно собираясь встать. В тот же миг Дориан подскочил к нему, вонзил ему нож в артерию за ухом и, прижав голову Бэзила к столу, стал наносить удар за ударом. Раздался глухой стон и ужасный крик человека, захлебывающегося кровью. Три раза судорожно взметнулись протянутые вперед руки, странно двигая в воздухе скрюченными пальцами. Дориан еще дважды всадил нож... Холлуорд больше не шевелился.»

Так расплачивается за свою неуместную правдивость художник, осмелившийся изобразить истинный лик самовлюбленной эпохи! «Художника убивает не беспросветная нищета, не статейки, не отсутствие статейек. Художника убивает всегда, во все времена, враждебное искусству общество.» Эти слова принадлежат Аркадию Белинкову, одному из самых бесстрашных портретистов нашей эпохи. Знал ли он, отвергнутый всеми и везде, оплеванный с трогательным единодушием патриотами всех цветов и мастей, что пишет о самом себе (Белинков умер — нет, не умер, погиб — в 1970 г., в возрасте 49 лет)? Думаю, что знал.

Но Белинков, к счастью, не одинок. Одна за другой появляются книги «разгребателей грязи»: Вениамина Ерофеева («Москва—Петушки»), Юзефа Олешковского («Николай Николаич»)… К ним с уверенностью можно отнести и сборник одноактных пьес Нины Воронель.

Удивительно схожа судьба этих разных книг. Увидев свет в самом либеральном издательстве всех времен — российском Самиздате, они не были напечатаны ни в Советском Союзе (что совершенно естественно и дальнейших разъяснений не требует), ни на Западе (что с первого взгляда уже не столь естественно и начинает выглядеть таковым лишь по зрелом размышлении). Роман Ерофеева впервые был опубликован в Израиле (что, казалось бы, уж ни в какие ворота не лезет, и все-таки — тоже не так уж странно и неожиданно). Поговаривают, что и «Николая Николаича» тоже готовят к печати где-то в Тель-Авиве… Во всяком случае, пьесы Нины Воронель, написанные о России и для России, изданы в Израиле.

Страшен мир, встающий перед нами со страниц книги Нины Воронель. Это не мир преступления — это мир наказания, гнилостного распада. Недаром лейтмотивом одной из лучших пьес сборника («Первое апреля») стало гениальное, пророческое стихотворение Макса Волошина: «С Россией кончено!.. О Господи! Развей и расточи! Пошли нам огонь, проказу и мечи…» Россия Нины Воронель — это не мир молодого, свежего, наивного греха первых мгновений после грехопадения, когда еще ясно видно, кто обманул, а кто — обманут, кто запачкан своей кровью, а кто — чужой. Это мир, до того закосневший в грехе, что грех уже сделался бытом, мелкой житейской

подробностью: моралист и поборник нравственности мучается от недолеченного триппера («Утомленное солнце»), стукач с многолетним стажем гордится своим потомственным дворянством и безупречностью своего патриотизма («Первое апреля»), отчим, изнасиловавший тринадцатилетнюю падчерицу, встречается у женщин шутовское понимание, а хирург, выскребывающий из женского нутра младенцев длинной кровавой ложкой, и его грозный посланец — нянечка — менее жестоки к несчастным абортницам, чем сами они друг к другу («Матушка-барыня»). Это время, когда ароматное яблоко свободы, равенства и братства, вкушенное Россией в 1917 г., хорошенько переварилось и, вытолкнутое в мучительных спазмах ее перистальтикой, запахло соотвествующим образом («На дебаркадере»).

В пьесах Нины Воронель нет правых и нет виноватых (это не касается лишь пьесы «Утомленное солнце», написанной уже вне России), нет жертв и нет палачей. Некому сочувствовать и некого обвинять... В послесталинской России окончательно распалась соблазнительно четкая хрестоматийная схема отношений в обществе, когда, обрушив на безусловного злодея и негодяя (Кирибеевича) заслуженную кару, благородный мститель (Купец Калашников) бестрепетно следует на плаху, где поигрывает топором палач-профессионал в красной спецодежде, батюшка-надежда-государь (гой-еси), сидя на возвышении, мудро направляет ход исторического процесса, а православный люд (который чаще всего безмолвствует) с благоговейным ужасом следит за тем, как совершается этот самый процесс.

В октябре семнадцатого на сцену, где столетиями творилось это патриархальное действо, взошел некто в кожанке и произвел решительные изменения в списке действующих лиц и исполнителей. Веками молчавший народ широко разинул рот и завопил истошное «ура!!!» — да так и не смолкнул по сей день. Все окончательно смешалось в доме Облонских — после того, как Облонских пустили в расход, дом национализировали, туда въехала куча жильцов, запахло водкой, коммунальным сортиром, копеечной склокой и поножовщиной...

Пьесы Нины Воронель фиксируют момент, когда в результате исторического катаклизма гибнет нравственность целого народа, — последние дни Содома, когда жители обреченного города безумствуют в грехе, а немногочисленные Лоты лихорадочно пакуют чемоданы, опасно поглядывая в небо, где повисла над ними пылающая Божья длань. Обитателей Содома невозможно разделить на добрых и злых, мучителей и мучеников, чистых и нечистых — зла, мучений и грязи уже так много, что никто их не замечает, все запачканы в равной мере, все давно уже привыкли, приняхались и притерпелись.

Социальный, нравственный и религиозный распад всегда сопровождается распадом языка. Речь персонажей Нины Воронель — это полуиздохшее, алогичное бормотание, рептильное косноязычие торжествующего подсознания. Реплики разных персонажей взаимозаменяемы (недаром в пьесах нередко звучит ставшее ныне зловещим словечко «коллектив»); если же кто-нибудь и наделен некоей индивидуальной речевой особенностью, это всегда особенность чисто техническая, назойливо

непристойный рефрен, лишенный всякой смысловой нагрузки. Ни к кому не обращенное словоизвержение вороневских героев, нивелированное распадом, сливается в нечто среднее между гулом, чавканьем и воплем. Это слияние (вернее, слипание) объясняет, почему герои пьес Нины Воронель так любят петь дуэтом («Утомленное солнце») и хором («Победители») или хором же декламируют стихи («Первое апреля»). Репертуар этих хоровых реприз определяется социальной принадлежностью той или иной группы персонажей (пьяные таксисты, к примеру, поют советскую популярную песню «Забота у нас такая...», а склеротические обитатели писательской богадельни, запинаясь, декламируют Волошина). Но объединяет их всех одно — с удручающей неизбежностью одинаковые ситуации вызывают у них тождественную реакцию — и они одновременно начинают завывать или скандировать — к вящему торжеству системы академика Павлова.

На индивидуалистическом Западе, где развращенные ложными идеалами свободы люди издавна показали неспособность сплотиться в монолитный коллектив, каждый, как известно, носит Бога в себе: «Бог жив, пока я жив, в себе его храня. Я без него ничто, но что́ он без меня?! (Ангелус Силезиус, XVII в.) Но в России богоносцем был народ. В пьесе «Матушка-барыня» Старуха страшает Божьей карой потерявших всякий стыд обительниц гинекологической палаты. И Девочка в ответ ей иступленно кричит: «Нет его, Бога твоего! Нет его! Нет! Нет! Нет!» Само по себе это не новость — о том, что в России нет Бога, знает каждый советский школь-

ник. А есть ли в России народ — тот самый народ, что носил в себе Бога чуть не тысячу лет? Или и народа тоже нет, а есть пьяные вдрызг «победители», блюющие на мемориальные доски, где крупными золотыми буквами написаны их славные имена?..

И при всем этом театр Нины Воронель — вполне классический театр. Просты и традиционны его сюжеты, герои, обстановка: беседуют обитатели больничной палаты, выпивают и закусывают на рыбалке сотрудники таксопарка, выясняют отношения начальник и подчиненный... Это совершенно естественно — нет нужды в театре абсурда там, где абсурдна сама описываемая действительность. Еще в 1921 г. это понял Осип Мандельштам, написавший в статье «Слово и культура»: «Революция в искусстве непременно приводит к классицизму. ...Классическая поэзия — поэзия революции.» Классическая оболочка — единственный сосуд, которым можно зачерпнуть современную Россию, чтобы перенести ее на страницы книги или на сцену, не расплескав.

И. Рубин

ЗМЕЙ ЕДУЧИЙ

Сцена из народной жизни

И сказал Бог: сотворим человека
по образу Нашему, по подобию На-
шему.

Книга Бытия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шкипер — толстый мужик с бабьим голосом.

Шкиперша — толстая баба решительного нрава.

Рыбнадзор — хриплый небритый мужик с богатой фантазией.

Пьяный — всегда пьян.

Рыбак — основной язык французский.

Дебаркадер — плавучая пристань на Волге. В центре — сквозной проход с берега к трапам, по обе стороны его каюта начальника дебаркадера, т.е. Шкипера, камбуз, зал ожидания. Весь дебаркадер обнесен палубой — узкой галерейкой с перилами. На палубе сидит Рыбак с удочкой, время от времени он вытаскивает рыбину и прикладывается к бутылке. Пустые бутылки он складывает в кучу. В шкиперской каюте выпивают Шкипер и Рыбнадзор. Поздний вечер, вокруг пустынно.

Рыбнадзор. Ё-моё, ты кефаль знаешь?

Шкипер. Да что кефаль? Разве это баба?

Рыбнадзор. Нет, ты скажи, ё-моё, ты кефаль знаешь?

Шкипер. Ну, знаю.

Рыбнадзор. А какой у ней хвост, знаешь?

Шкипер. Да что хвост? Вот татарки, у них хвоста нет, зато...

Рыбнадзор. Ё-моё, а какие у ней кишки, знаешь?

Шкипер. Ну, знаю.

Рыбнадзор (*торжествующе*). Вот и не знаешь, ё-моё! Нет кишок у кефали! Нет — и все!

Шкипер. Да что кишки? Мне кишки ни к чему, мне главное, чтоб титьки на месте были.

Рыбнадзор (*сосредоточенно*). Нет, титек у кефали нету, е-моё. Это точно.

Шкипер. А вот у татарок, у них все поперек. Что у других баб вдоль, то у них поперек. Понял? Вот так (*показывает ладонью*) — поперек.

На мостки вбегают Шкиперша.

Шкиперша. Митрий, картошку привезли?

Шкипер. Привезли. Там мешок, на палубе. (*Рыбнадзору.*) Картошки ей, вишь, захотелось, а что картошка? Крахмал! От крахмалу только воротнички стоят. (*Хохочет.*)

Шкиперша. И сколько отдал?

Шкипер. Десятку.

Шкиперша (*ужасается*). Десятку? Ты что — очумел? Десятку за мешок! Небось, сдачу себе оставил?

Шкипер (*Рыбнадзору, самодовольно*). Боится, что я к татаркам на ее десятку пойду. А на что мне деньги? Мне деньги ни к чему, мне любая татарка и так даст.

Рыбнадзор. Не-е, без денег никак, ё-моё... Вот я на Каспии служил... Ты Каспий знаешь?

Шкипер. Да что Каспий? Разве на Каспии бабы?

Шкиперша. Где ж картошка, Митрий?

Шкипер. Я ж сказал, где.

Шкиперша. А ты еще раз скажи.

Шкипер. Вот баба! Ей всегда еще раз надо, ей одного раза мало! *(Хохочет.)*

Шкиперша *(бродит по палубе в поисках картошки)*. Где же картошка?

Шкипер. Да, на палубе, на палубе!

Шкиперша. Нету на палубе...

Рыбнадзор. И там, на Каспии, ё-моё... Ты Каспий знаешь?

Шкипер. Как так нету? Ты возле мостков посмотри.

Шкиперша. Сам посмотри — нету нигде.

Шкипер. Как так нету? *(Выходит из каюты.)* Тут мешок стоял.

Шкиперша *(принюхиваясь)*. Опять нализался? На какие это деньги?

Шкипер. Вон... Рыбнадзор угостил...

Шкиперша. Знаю я, как он угощает! *(Хватает Шкипера за рубаху.)* Ты прямо скажи, паразит, не покупал картошку? Не покупал? А десятку пропил?

Шкипер *(пугается)*. Покупал, Марья, как же — покупал! Ты хоть у Васьки спроси *(кивает в сторону Рыбака)*, Васька видел. Как ракета из Астрахани пришла, я у них мешок и взял, за десятку. Хоть у Васьки спроси.

Рыбак. Было. Взял мешок, антр ну. *(Пьет.)*

Шкиперша. И где же он, мешок этот?

Шкипер. Вот тут поставил, у мостков.

Шкиперша. Сам он ушел, что ли?

Рыбак. Силь ву пле.

Шкипер. Может, его стащил кто.

Рыбнадзор (*выходит на палубу*). Нет, ты скажи, ё-моё, ты Каспий знаешь?

Шкиперша. Кто ж его мог стащить?

Шкипер. Ну, этот... шел мимо... кто-нибудь шел... ну, и взял...

Шкиперша (*наступает*). Пропил десятку, паразит? Лучше сознайся — пропил?

Шкипер (*в страхе*). Васька, ну скажи ты ей, скажи, кто мог картошку стащить?

Рыбак. Шерше ля фам.

Пьяный (*голос за сценой. Пытается петь*). Синее море, синий пароход!

Рыбак. Может, тот пьянчуга, антр ну?

Шкипер (*обрадованно*). Точно! Он и стащил!

Шкиперша (*подозрительно*). Какой еще пьянчуга?

Шкипер. Слышишь, орет? Приезжий.

Шкиперша. Кто такой?

Пьяный (*за сценой. С упорством отчаяния*). Белое море, белый пароход!

Шкипер. А кто его знает. Вчера с вечерней ракетой приехал и бродит вокруг, никак не протрезвеет.

Шкиперша. А к кому приехал?

Шкипер. А ты у его сама спроси. Он ночь спал

тут, в зале ожидания, может, тебя ждал (*Осмелев хохочет.*)

Шкиперша (*серьезно*). Так куда он мог картошку нашу отнест? Да и не поднять ему мешка, раз он пьяный. (*Опять наступает с криком.*) Сознайся, паразит проклятый, пропил ты мою десятку?

Шкипер. А может, она в камбузе, картошка?

Шкиперша. Пойти поглядеть. (*Бросается в камбуз, через мгновение выскакивает оттуда с воплем.*) Митрий, кто в камбузе кучу наклал?

Шкипер. Какую кучу?

Рыбак (*принюхиваясь*). Пардон, бля, пардон, кучу дерьма.

Шкиперша (*вне себя*). Кто кучу наклал, я спрашиваю?

Пьяный (*поет, появляясь на мостках*). Си-и-ний пароход! Пароход-то синий, а море какое? Забыл, какое море. Мо-о-оре...

Шкипер (*хватаясь за соломинку*). И картошку он, и кучу он! Кто ж еще мог накласть?

Рыбак (*нравоучительно*). Шерше ля фам.

Пьяный, шатаясь, поднимается по мосткам на палубу.

Шкиперша немедленно переходит в наступление.

Шкиперша (*хватает Пьяного за грудки*). Куда картошку девал?

Пьяный (*покачиваясь в ее руках, бессмысленно*). Картошку? Съел. (*Запеваает.*) Съелое море, синий...

Шкиперша (*трясет его*). А где мешок?

Пьяный (*упрямо*). И мешок съел.

Шкипер. А зачем в камбузе кучу наклал?

Рыбнадзор (*вдруг в восторге*). Ё-моё, да ведь это же он! Змей едучий!

Шкиперша (*грозно*). Говори, куда картошку девал! (*Шкиперу*.) А ты заткнись и гони обратно десятку!

Шкипер (*храбрится*). Ха! Десятку ей! Да это ты мне за каждый раз десятку давать должна!

Рыбнадзор (*вплотную к Пьяному*). Ты в тюрьме сидел?

Пьяный. Обязательно.

Рыбнадзор. Ё-моё, выходит, точно он! Он самый — змей едучий! Значит в камбузе кучу он наклал, больше некому.

Шкиперша. А картошка? (*Отпускает Пьяного, тот садится на палубу*.)

Рыбнадзор (*убежденно*). А картошку он в Волгу выкинул. Это же гад, это же змей едучий, ё-моё!

Пьяный икает.

Шкиперша. Как то есть в Волгу? Она же десятку стоит!

Рыбнадзор (*поднимает Пьяного*). Узнаешь меня, ё-моё? Он из меня в тюрьме кровь стаканами пил. А я говорил ему, ё-моё, гора с горой не схо-

дится, а человек с человеком, ё-моё... Только разве он человек?

Рыбак. Силь ву пле.

Шкиперша. Кто же мне десятку вернет?

Рыбнадзор. Он из меня кровь стаканами пил, ё-моё, а я из него хоть ложкой зачерпну. Он женщину красавицу-инкассатора, ё-моё... *(Пьяному.)* Ты инкассатора знаешь? *(Отпускает его.)*

Пьяный *(садясь на пол)*. Обязательно!

Рыбнадзор. Ё-моё, выходит точно он! Он из меня кровь стаканами!..

Шкиперша. Пусть отдаёт десятку, раз картошку в Волгу бросил. А ну, Митрий!

Шкипер хватает Пьяного и трясёт.

Отдавай десятку, паразит!

Шкипер. Давай десятку! Отдашь?

Пьяный *(икает)*. Обязательно.

Рыбнадзор. ...Так я из него хоть ложкой зачерпну.

Шкипер *(шарит в карманах Пьяного)*. Где десятка?

Пьяный. Съел.

Шкиперша. Ишь какой — чужие десятки есть! Пусть хоть в камбузе помоеет за собой, паразит!

Рыбнадзор. Мне восемнадцать месяцев дали, ё-моё, за семейную драму, а он из меня кровь стаканами... Несу я, значит, парашу с супом... Ты тюремный

суп знаешь? Горсть пшена и вода пустая...

Шкипер. С такого супа всякая охота до баб пропасть может!

Рыбнадзор. Это нам без разницы, ё-моё, в тюрьме баб нету. А он, змей едучий, женщину красавицу-инкассатора убил, и шофера тоже, ё-моё... Два миллиона триста тысяч взял... четверо их было...

Шкипер. Как так баб нету? Разве без баб можно?

Шкиперша. Два миллиона взял? Так пускай мою десятку отдает...

Рыбнадзор. Он у них там паханом был... Он и Ренат-татарин, ё-моё.

Шкиперша. И в камбузе пускай за собой уберет, паразит!

Рыбнадзор. Четверо их было... они машину остановили и шофера прикончили сразу, ё-моё... А женщину красавицу-инкассатора не сразу — два миллиона триста тысяч взяли, ё-моё, и сделали с ней, что хотели...

Шкипер (*мечтательно*). Так вчетвером и навалились!

Рыбнадзор. Два миллиона триста тысяч взяли, ё-моё, и получил он, змей едучий, десять лет и пять по рогам. Ты пять по рогам знаешь?

Рыбак. Антр ну.

Рыбнадзор. Чтоб ни в какой город, ни-ни, ё-

моё. Он и Ренат-татарин...

Шкипер. А вот у татарок, у них все поперек...

Шкиперша (*грозно*). Митрий, ты мне про татарок брось! Ты скажи лучше, кто камбуз вымоет? Сколько раз повторять?

Шкипер. А повторять столько, сколько у кого выйдет. Это и от бабы зависит тоже...

Рыбнадзор (*разглядывая Пьяного*). Он это, змей едучий, точно он. Ведь не татарин же он, не Ренат — вот и выходит, точно он. (*Поднимает Пьяного.*) Ну, ты, змей едучий, вставай, иди в камбуз — пол мыть будешь.

Пьяный качается в его руках.

Ты из меня кровь стаканами пил, ё-моё, так я из тебя хоть ложкой зачерпну. (*Толкает Пьяного к камбузу.*)

Пьяный мычит.

Шкиперша (*Пьяному грозно*). Иди, иди, паразит, наделал тут делов, кто за тебя убирать теперь будет?

Шкипер. Если б что другое, так я б за него мог...

Рыбнадзор (*тащит Пьяного к дверям, тот упирается*). Женщину красавицу-инкассатора убил, ё-моё, и получил десятку и пять по рогам...

Шкиперша. Десятку, говоришь, получил? Так пускай отдаст — будет знать, паразит, как чужую картошку в Волгу бросать!

Рыбнадзор (*открывает дверь и вталкивает Пьяного в камбуз*). Давай пол вымой, змей едучий! Я говорил, ё-моё, гора с горой не сходится, а он из меня кровь стаканами...

Пьяный (*рвется обратно*). Пусти, я рыбу потерял! Где моя рыба?

Рыбнадзор. Пол помоешь, ё-моё, тогда выйдешь. (*Закрывает дверь камбуза и держит ее спиной.*)

Слышно, как Пьяный бьется о дверь с той стороны.

Женщину красавицу-инкассатора убили и глаза ей выколупали, он и Ренат-татарин... Это чтобы по глазам не узнали, кто убивал, ё-моё. У них в глазах все отпечатывается, как в зеркале, ё-моё...

Пьяный (*открывает дверь*). Рыба моя где? Где моя рыба?

Шкиперша. Что за рыба такая?

Пьяный (*плачущим голосом*). Копченая рыба. Мне подарили ее интеллигентные люди!

Рыбнадзор (*заталкивая Пьяного обратно за дверь*). Дерьмо уберешь, змей едучий, тогда выйдешь. Два миллиона триста тысяч они взяли, а шофера прикончили сразу, он и Ренат-татарин, ё-моё...

Шкиперша. Раз десятки у него нет, я эту рыбу за картошку себе заберу. Нечего ему, паразиту, чужую картошку в Волгу бросать...

Пьяный (*опять вырывается из камбуза*). Пусти

меня, пусти! Я рыбу свою искать пойду!

Рыбнадзор (*держит его за шиворот*). Не хочешь дерьмо свое убирать, змей едучий? Я тебя сейчас заставлю, ё-моё, добром не хочешь — силой слопаешь! (*Берет горсть дерьма и пытается сунуть Пьяному в рот, тот вырывается, начинается драка*). Ты из меня... кровь стаканами пил, ё-моё, а я говорил: человек с человеком сходится! Теперь я из тебя хоть ложкой зачерпну! Открывай рот, змей едучий!

Шкипер (*помогая Рыбнадзору бить Пьяного*). И чего он в рот не хочет? В рот тоже приятно. Некоторым даже очень нравится...

Пьяный (*рыдает, раздирает на груди рубаху*). На, убивай меня, сволочь! Бей меня, бей, кончай меня, гадина, пей мою кровь! Брось меня в реку, брось, утопи! (*Заходится*.) Утопи-и-и! В реку меня брось, выпей мою кровь, сволочь! Все равно, никто меня не любит, никого у меня нет, никому я не нужен! Пей мою кровь, гадина! Пе-е-е-ей!

Шкиперша (*удивленно*). И крестик на груди. Ты что, в бога веруешь?

Пьяный (*всхлипывая*). Обязательно.

Рыбнадзор (*отпуская Пьяного*).

Тот садится на пол.

Да не верует он! Если б верил, разве б он женщину красавицу-инкассатора убивать стал? Да еще б

глаза ей выкалывать, ё-моё?

Пьяный (*икает*). Обязательно.

Рыбак. Шерше ля фам.

Шкиперша. А может, это не он?

Рыбнадзор. Как так не он, ё-моё? Ведь не Ренат же он, не татарин? Выходит, точно он, змей едучий! (*Нюхает руки*). Все руки я об него испачкал, теперь они дерьмом воняют, а ты говоришь: не он! Он самый и есть, ё-моё! (*Поднимает Пьяного.*) Ты в тюрьме сидел?

Пьяный. Обязательно. (*Садится на пол.*) Семнадцать лет.

Рыбнадзор. Как так семнадцать? Десять лет он получил и пять по рогам, ё-моё. Шофера они сразу убили, он и Ренат-татарин, а женщину красавицу-инкассатора повалили сперва...

Шкипер (*в восторге*). ...И навалились все вчетвером!

Рыбак. Силь ву пле.

Слышен гудок приближающегося катера. Услышав гудок,

Пьяный пытается подняться.

Пьяный. Мне пора. Где моя рыба?

Рыбнадзор. Да не было у тебя никакой рыбы! Откуда у тебя рыба, ё-моё?

Пьяный. Копченая рыба. В мешке. Мне подарили ее интеллигентные люди. (*Поднимается, бредет к мосткам, спотыкается о них, падает и тут*

же засыпает.)

Слышен шум подъезжающего катера.

Шкипер. Пойду катер встречу. Вчера татарки катером приезжали — у татарок этих все поперек. Что у других баб вдоль, то у них поперек. *(Уходит.)*

Рыбак. Пардон, бля, пардон.

Шкиперша *(направляясь в каюту)*. У вас тут выпить есть чего? А то замерзла я тут с вами.

Рыбнадзор *(бредет за ней)*. Семейная драма у меня была, ё-моё, и дали мне восемнадцать месяцев. А он, змей едучий, кровь из меня там стаканами пил, потому что женщину красавицу-инкассатора убил и получил десятку. А у меня семейная драма, ё-моё... Ты семейную драму знаешь?

Шкиперша *(выпив рюмку)*. У меня у самой семейная драма. Митрий мой, он разве настоящий мужик? Он все про татарок говорит, а сам? *(Шепчет Рыбнадзору на ухо.)*

Рыбнадзор. А ты б ему объявила...

Шкиперша. ...И женскую честь мою ни во что. *(Пригорюнясь, протяжно запекает.)*

И я одна, как во поле былиночка,

К земле клонюся...

Рыбнадзор *(протягивает через ее плечо руку за рюмкой и не убирает)*. У меня, значит, семейная драма, ё-моё, и у тебя семейная драма — выходит, надо нам вместе... *(Гладит ее плечо.)*

Шкиперша (*кладет голову ему на плечо, продолжает петь*).

К земле клонюсь и в землю ухожу-у-у!

Рыбнадзор пытается повалить ее на лавку. Слышен шум отходящего катера. Появляется Шкипер.

Шкипер (*входя в каюту*). Марья, ты чего тут?

Шкиперша вскакивает.

Ах ты, сука, своего мужика тебе мало — такого мужика! А ну, пошла домой!

Шкиперша (*подбоченясь*). Ты сперва мне десятку отдай, тогда пойду!

Шкипер (*бьет ее по лицу*). Какую еще тебе десятку? Пошла домой, сука!

Шкиперша, закрыв лицо руками, с криком убегает. На мостках спотыкается о Пьяного, он просыпается и бормоча что-то, начинает подниматься.

Рыбак. Шерше ля фам.

Рыбнадзор (*вдруг плачет*). Нет, Митрий, это зря ты так, зря!

Шкипер. Ты чего ревешь-то?

Рыбнадзор. Как же это ты бабу свою — и по морде, и по морде! (*Рыдает.*) Это же семейная драма, ё-моё! Зря ты это — такую бабу! Вот у меня семейная драма была, ё-моё, и дали мне восемнадцать месяцев, а ты такую бабу!

Шкипер (*пьет*). Ну что баба? Каждая баба, она баба и есть. Вот татарки другое дело, у них все поперек...

В дверях появляется Пьяный, икает.

Рыбнадзор. Тебе чего, змей едучий?

Пьяный. Замерз я. Холодно там, вот я и замерз.

Рыбнадзор (*толкает его*). Иди, иди отсюда, ё-моё. Ты из меня кровь стаканами, а я говорил: гора с горой не сходится...

Пьяный. А рыба моя где? (*Шарит по столу, хватает кусок хлеба.*)

Рыбнадзор. Какая еще рыба? (*Выталкивает его.*) Не было у тебя никакой рыбы!

Пьяный (*садится у дверей*). Мне дали ее интеллигентные люди. Где она?

Шкипер. А интеллигентные бабы тоже иногда ничего, только худые все больно, и в руки взять нечего.

Пьяный на четвереньках ползет в каюту.

Пьяный. Ой, холодно, ой, замерз! Ой, пустите меня — я замерз!

Рыбнадзор (*ногой выталкивает его*). Пошел отсюда, змей едучий! Говорил я тебе, ё-моё, человек с человеком сходится...

Пьяный, скорчившись, садится на палубу под дверью.

Женщину красавицу-инкассатора убил, два миллиона триста тысяч взял и получил десятку и пять по рогам. А у меня семейная драма была, ё-моё... Ты семейную драму знаешь?

Шкипер. Как же это в тюрьме без баб? Разве без баб можно?

Пьяный вдруг вкатывается в каюту, стучит зубами и хнычет.

Пьяный. Ой, холодно! Замерз я, замерз! Пустите погреться!

Шкипер. Нет, я без баб не согласный...

Пьяный (*орет с надрывом*). Не пускаешь, гад? Смерти моей хочешь? (*Рвет на груди рубаху.*) На, пей мою кровь! Убивай меня, сволочь! Брось меня в реку, на — бей меня, гад! Брось меня в реку, все равно никому я не нужен! Пей мою кровь, сволочь! (*Заходится в визге.*)

Шкипер (*благодарно*). Нет, он так и поговорить не даст.

Рыбнадзор. Он из меня кровь стаканами пил, ё-моё...

Пьяный (*катаясь по полу*). Ой, замерз я! Ой, холодно! Брось меня в реку, сволочь! Лучше рыб в реке кормить, чем тут подыхать! Будь другом, брось меня в реку, сволочь!

Шкипер. Нет, не даст поговорить. Давай в камбуз его затолкаем, пусть спит там на своем дерьме. (*Берет Пьяного под мышки и тащит.*)

Рыбнадзор (*Помогая Шкиперу*). Женщину красавицу-инкассатора убил, ё-моё, и шофера тоже...Он и Ренат-татарин. Он это, точно он — змей едучий. Если б это Ренат-татарин был, я б его сразу узнал. Выходит, точно он. Ведь как мы его в камбуз втащили, так тут дерьмом и завоняло, ё-моё. А я ему говорил: гора с горой не сходится...

Шкипер (*разглядывая Пьяного*). Глянь, кусок хлеба прижимает к себе, будто бабу какую.

Рыбнадзор. Хлеб пускай ему остается, хлеб я у него отнимать не буду, ё-моё. Хлеб он мне там оставлял. Он из меня кровь стаканами...

Рыбак. Антр ну.

Шкипер и Рыбнадзор выходят из камбуза и опять садятся за стол в каюте. Пьют.

Рыбнадзор. А у меня семейная драма была, ё-моё... Я тогда на Каспий за кефалью ходил. Ты кефаль знаешь?

Шкипер. Что кефаль? Разве это баба?

Рыбнадзор. Ё-моё, а какие у ней кишки, знаешь?

Шкипер. Что кишки? Мне кишки ни к чему, мне лишь бы титьки на месте были...

Застывают в этих позах. Только Рыбак еще некоторое время сидит на палубе, допивая последнюю бутылку. Светает.

Рыбак. Силь ву пле. (*Пошатываясь, встает и*

уходит, оставив на палубе целлофановый мешок с рыбой.)

Рыбнадзор и Шкипер спят. Из камбуза выходит Пьяный, лицо его запачкано дерьмом, в руке кусок хлеба.

Пьяный. Ох и холодно. Где это я? *(Читает над дебаркадером.)* Семино! Где это — Семино? *(Рассматривает ломоть хлеба.)* И хлеб откуда? *(Откусывает кусок.)* Черствый! *(Бросает в реку, щупает свое лицо.)* Что за Семино? И кто меня так отделал? *(Поднимает мешок с рыбой.)* Рыба какая-то. Моя, может? Нет, моя, кажется, была копченая. Или моя все-таки? *(Берет мешок и бредет к мосткам.)* Кто это меня так отделал, все лицо болит? *(Нюхает руки.)* И руки дерьмом пахнут... Что это за Семино? На какой реке?

З а н а в е с

Посвящается Г.В.

МАТУШКА-БАРЫНЯ

И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их.

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею.

Книга Бытия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дама — лет под сорок, находится в больнице давно — по сохранению беременности; махровый халат.

Офицерша — лет за тридцать, после аборта; дорогой нейлоновый халат.

Девочка — лет тринадцати, недавно закончились искусственные роды, не встает; в рубашке.

Молодоженка — лет двадцати пяти, после аборта; ситцевый халатик.

Старуха — около шестидесяти лет, больна смертельно; серое лицо, серый застиранный халат, серые волосы, на шее крест.

Девушка — лет восемнадцати; халат больничный, потерявший цвет от стирок, очень велик, тапочки размера на три больше.

Мать — пышная женщина лет тридцати пяти; сатиновый аккуратный халат.

Токсикозная — возраст непонятен; халат ситцевый, старый, надет кое-как, волосы не причесаны.

Нянька.

Действие происходит в наши дни.

Палата в женской больнице: семь коек. Две из них пусты. Дверь, напротив двери два окна. Койки расположены по три вдоль каждой стены и одна — в простенке между окнами. Лежат и сидят на койках Старуха, Дама. Офицерша. Молодоженка и Девочка. Утро.

Старуха. ...вот помру скоро — Бог даст, долго мучиться не буду, — так завещаю, чтоб меня рядом с ним похоронили. Хоть невенчанные жили, хоть в грехе, а всё же муж.

Офицерша. А что, если нерасписанные в ЗАГС'е, так хоронют вместе? Или как в гостинице: без штампа нельзя?

Молодоженка. Мы вот с Васей в Суздаль поехали, на экскурсию. До того ещё как расписались...

Девочка (*тоненько*). Ой-ой-ой! (*Плачет.*)

Офицерша (*Молодоженке*). Что, не терпелось?

Молодоженка. Мы во Дворце Бракосочетаний хотели, а там очередь...

Девочка (*громче*). Ой-ой-ой! Больно!

Старуха (*подходит к Девочке*). Ладно плакать-то! Раньше думать надо было. (*Подает рюмку.*) На, выпей — с вечера тебе оставлено. А там врачи при-

дут, Бог даст...

Девочка выпивает и затихает, скорчившись под одеялом.

Дама (*Старухе*). Вы такую трудную жизнь прожили, а всё на Бога надеетесь.

Старуха. А на кого мне надеяться? Одна я, как перст.

Офицерша. Видать, не очень Вам Бог помогал.

Старуха. Мало что не помогал. Может вся сила Его в Надежде. (*Даме.*) И ты надейся: может, родишь всё же, если надеяться будешь.

Офицерша. На Бога надейся, а сам не плошай!

Входит Нянька, за ней трое: Девушка — испугана. Мать — всегда говорит очень спокойно, Токсикозная — все время позывы на рвоту.

Нянька. Женщины, принимай пополнение! (*Громко, грубо.*) А вы, новенькие, занимайте койки, которые свободные!

Мать и Токсикозная занимают пустые койки. Девушка растерянно стоит посреди палаты.

Нянька (*Девушке*). Что не хватило? Подожди пока, выпишется кто — тебя положат.

Девушка (*садится на койку в ногах Молодоженки*). А скоро уже?

Нянька. Успеешь своё удовольствие получить! (*Выходит.*)

Старуха. Опять абортчики? Две ушли, три на их место приходят, греха не боятся!

Мать. Какой тут грех? Законом это теперь разрешается.

Старуха. Мало, что законом. Грех — он всё грех: это души нерождённые.

Офицерша. А что, так и рожать по десятку, как наши бабки рожали?

Старуха. Сколько Бог пошлёт, столько и рожать.

Мать. И много вы родили?

Старуха. У меня условий в жизни не было.

Молодоженка. А у меня что, условия? Были бы условия, я бы сюда калечиться не приходила. На страдание.

Девушка. А что, очень больно?

Молодоженка. Нормально. Сперва покричишь, а потом забудешь.

Мать. Рожать больнее.

Девушка. Больнее?

Офицерша. Всё хорошо: хоть рожай, хоть ковыряйся.

Токсикозная. А лучше всего мужиком родиться: сунул, вынул и бежать. *(Рвотный спазм.)* У, сука, мать едрёна, пресвятая богородица!

Девушка. А наркоз дают?

Молодоженка. Маску. Только не на всех действие оказывает. Я все, как есть, слышала.

Офицерша. А мне померещилось, что меня в воронку затягивает. Я маску сорвала, да как заору: «Мама!». Тут вся боль и началась.

Старуха. Сама, вишь, «Мама!». А он тебе никогда «Мама!» не крикнет, будто его и не было!

Офицерша. Да, ладно, чего душу травить? Кончилось всё, и слава Богу!

Молодоженка. Ох, есть охота! Картошечки бы с селечкой!

Офицерша. Или блинов со сметаной! Я их на дрожжах завожу: два яйца, молока теплого пол-литра и муки, сколько возьмет.

Токсикозная (*рвотный спазм*). У, сука, мать едрёна, пресвятая богородица!

Молодоженка. Меня вчера тоже так выворачивало. А сегодня я б не знаю, чего съела!

Девушка. И совсем не тошнит?

Мать (*Девушке*). А тебя тошнит? (*Та кивает.*) Значит девчонкой ходишь. Меня, вот, никогда не тошнит, только изжога, потому что у меня всё мальчишки.

Дам а. И много у вас?

Мать. Двое: один в третьем классе, другой в яслях. Ну, и остальные, те тоже всегда мальчишки.

Девушка. А вы много уже, абортон?

Мать. То ли пять, то ли семь — со счета сбилась. Но врачи говорят: у меня всегда мальчишки.

Дам а. До пяти месяцев нельзя определить, кто

там: мальчик или девочка.

Девочка. У меня мальчик был, семьсот грамм! Я видела: желтый-желтый! Он даже запищал сперва. А они его в корзинку, ну — он и замолчал.

Дама. У тебя совсем другое дело. У тебя ведь шестимесячный был.

Мать. Чего ж ты так запустила? До шести месяцев?

Девочка. Откуда я знала?

Молодоженка. Ну уж, забеременела — и не знала!

Мать. А мать куда смотрела?

Офицерша. А мать из дому её выгнала, как узнала.

Дама. К отчиму приревновала. Это вель отчим ее осчастливил.

Старуха (*крестится*). Спаси, Господи, души грешных!

Нянька входит с веником. Подметает.

Нянька. Ну, пора! (*Токсикозной*). Очень уж маешься — иди первая.

Токсикозная (*встает, рвотный спазм*). У сука, мать едрёна! (*Выходит*).

Девушка (*дрожа*). Что, уже? Начали?

Мать. Так отчиму за это срок полагается. По суду.

Офицерша. Дура она, что ли, мужика своего по

суду упекать? Где ей другого выдадут?

Дама. Ну знаете! А как с ним жить после такого?

Офицерша. А чего? С виноватого мужика даже больше приварка получить можно.

Девушка (*нервно мечется по палате*). Ой, страшно! Страшно как!

Нянька. Не мельтеши! Не ты первая, не ты последняя. (*Выходит.*)

Девушка (*с мольбой*). Хоть расскажите, что будет. Чтобы я знала.

Офицерша. А для чего знать?

Девушка. Лучше знать. Вот, никто не сказал, что волосы брить будут. (*Вздрагивает.*) Такой ужас, и никто не сказал!

Молодоженка. А сказали б, ты что — не пришла бы?

Мать. Ох, прошлый раз я тут лежала, смеху с этим бритьем было! Одна девка на аборт поступила, а волосы брить не дает: у ней они там в серебряный цвет выкрашены! Под седину!

Молодоженка. Это зачем же?

Офицерша. Ясно зачем. Для привлечения.

Дама. И чем кончилось?

Мать. Чем же? Тем самым, что у всех: побрили и поскоблили!

Девушка. Как это — поскоблили?

Молодоженка. А так, чулки белые на ноги, и в

кресло — скоблить.

Девушка (*в крайнем ужасе*). Чулки? Белые? Зачем?

Мать. Или доктору приятно, что ему ноги грязные в лицо суют?

Девушка. А к креслу привяжут?

Мать. Зачем? Ты ведь добровольно пришла.

Дама. Нет, я б ни за что на аборт не согласилась!

Мать. А ты сюда что — в кино явилась?

Дама. Я — совсем не то! Я по сохранению беременности лежу.

Офицерша. Ясно — совсем не то! Из другого теста!

Мать. Одна не знает — как родить, другая — как скинуть!

Офицерша. Ох, есть хочется! Слона бы съела! И что он передачу не несет? Я курицу велела в духовке испечь.

Молодоженка. А знаете новый способ цыплят готовить? Взять бумажный пакет, цыпленочка посолить — и туда. Хорошо, чтобы он желтенький был...

Девочка (*вдруг*). А мой мальчик желтенький был, весь-весь: и ручки, и ножки, я видела!

Мать (*с любопытством*). Как же это у тебя — с отчимом — вышло?

Девочка. Откуда я знаю?

Молодоженка. А кто знает? Пушкин?

Офицерша. Рассказывай давай!

Девочка. А чего рассказывать? Рассказывать нечего!

Молодоженка. Давай-давай!

Офицерша. Ну?

Девочка. Ну, мамы дома не было, а я в школу не пошла, потому что контрольная по арифметике. Ну, он пришел, а я в ванной.

Офицерша *(жадно)*. И что?

Девочка. Он в ванную зашел, куклу выбросил и говорит: «Будешь шуметь, скажу матери, что ты в школу не пошла.»

Офицерша. А дальше что?

Старуха. Ну, и не сказал матери.

Дама. И ты не сказала?

Девочка. А чего? Она б меня наказала, что я в школу не пошла.

Мать. Ну, а потом?

Девочка. Потом учебный год кончился и дали мне перэкзаменовку на осень.

Дама. А отчим что?

Девочка. Он по арифметике со мной занимался.

Молодоженка *(смеется)*. Ничего себе арифметика. До шести месяцев досчитали!

Старуха *(которая все это время сидела на кровати, стараясь не слушать — то ли молилась, то ли заглушала боль)*. Господи, пошли мне смерть по-

скорее! Избавь меня, чтоб глаза мои не видели, чтоб уши мои не слышали!

Офицерша. К чему смерть звать? Небось, время придет — не заблудится!

Входит Нянька с передачей, ставит ее на тумбочку
Офицерши.

Нянька. Принимай передачу!

Офицерша (*бросается к сумке*). Наконец!

Нянька. Супруг интересуется: записка будет?

Офицерша (*разбирая свертки*). Скажи, не будет — чувствую себя слабо.

Нянька. А двое, которые со вчера — на осмотр: одну выписать надо, а то мест не хватает. (*Офицерше.*) Пойдешь?

Офицерша. Я домой раньше срока не пойду — на кухне ищачить. Я свое отлежу.

Молодоженка (*радуется*). Может меня выпишут? Вася там один, скучает, небось!

Нянька. Хоть ты иди — мне без разницы. (*Идет с Молодоженкой к двери, Офицерше на ходу.*) А ты в окно поглядывай — твой выкликать будет. (*Выходят.*)

Офицерша. Боюсь, пересушил он курицу. (*Отламывает ножку, Даме.*) Попробовать не хотите?

Дама. Я мясного стараюсь не есть — боюсь ему повредить. У меня ведь уже три выкидыша было.

Девушка (*дрожащим голосом*). А выкидыш —

тоже больно?

Дама. А мне уж сорок скоро: год-другой ещё не рожу — и конец! Как земля под асфальтом.

Офицерша. Ну, и слава Богу!

Дама. Не скажите. У всех дети — в доме смех, радость, а у меня — как в могиле: чисто, тихо, только телевизор и слышать. Полы раз в год натираем, даже пачкать некому.

Мать. А я по три раза на дню полы подтираю. И всё грязь.

Дама. Вот видите!

Мать. А стирки сколько! И ведь никак не уберёжешься: чуть что, опять влетела, опять в больницу идти, сил уже нет.

Девушка. А говорят, средства есть новые, надежные.

Мать. Может, кому и надежные. А у меня организм здоровый, его никакие средства не берут.

Дама. И мне никакие средства. Уж я и по врачам, и по курортам...

Девушка. Военный там какой-то машет. (*Глядит в окно.*) Не ваш?

Офицерша (*украдкой смотрит в окно*). Мой, мой, а то чей же?

Мать (*выглядывает*). Симпатичный мужчина!

Офицерша (*быстро ложится в постель*). В чулке кармане всегда толще.

Мать. Куда ты? Он же машет.

Офицерша. Пусть помашет, рука не отвалится. Скажи: плохо мне, встать не могу.

Мать (*кричит в форточку*). Она подойти не может, плохо чувствует! (*Офицерше.*) Пошел! Все оглядывается.

Дама (*смотрит в окно*). А вам его не жалко?

Офицерша. Много он меня жалел!

Мать. Это точно — жалеть их нечего. Мой вот, приходит раз, пьяный, конечно, и говорит: «Дай трешку, а то повешусь.» А я ему: какую еще трешку? Иди, вешайся. Ну, он в ванную пошел, повесился и ждет, что снимать его побегу. А я не спешу, я дверь приперла, чтоб из соседей никто раньше время не ворвался, — пусть, думаю, повисит, может, протрезвеет.

Офицерша. А он что?

Мать. А он сорвался — крюк из стенки вылетел.

Девочка. А если б не вылетел, тогда что?

Мать (*спокойно*). Сняла бы, только не сразу. Чтоб в другой раз неповадно было.

Нянька ведет под руку Токсикозную — та в одной рубашке, бредет, пошатываясь, к койке.

Девушка (*бросается навстречу*). Уже? Ну, как?

Следом вбегает Молодоженка. Возбуждена.

Молодоженка. Выписывают! Вот температуру

только померяю: если нормальная — домой! (*Садится на постель, достает из тумбочки пудреницу, помаду, расческу, смотрится в зеркальце*).

Нянька (*укладывая Токсикозную*). На живот ложись, вот тебе халат, вот лед. Спать нельзя. (*Девушке*.) Ну что, пошли?

Девушка (*шарахается*). Я? Я не сейчас, я после, ладно?

Нянька. Какое после? Сказано идти — иди!

Девушка (*пятится*). Ну, я потом, я сейчас, через минуту... вот только сердце... я сейчас...

Нянька. А не хочешь — иди домой. Силком тебя, что ли, держут?

Мать (*встает*). Ладно, давай я пойду. Все равно, койки у ней ещё нету.

Молодоженка (*не отрываясь от зеркала*). Я быстренько, я освобожу. Я Васе уже позвонила, чтоб приходил за мной.

Мать и Нянька выходят.

Токсикозная (*протяжно стонет*). У сука, мать едрена, пресвятая богордица!

Девушка (*лихорадочно*). Больно, да? Маску давали или укол?

Токсикозная (*сквозь стон*). Сама пойдешь — все узнаешь.

Девушка (*прижимает руки к груди*). Ой, что-то

сердце колет... *(Никто не обращает на нее внимания.)* Господи, господи, господи!

Офицерша *(смотрит в окно)*. Машина какая подкатила — шикарная! И мужик шикарный, в дубленке! *(Молодоженке.)* Не Вася ли твой?

Молодоженка *(бросается к окну)*. Где?

Офицерша. Вон, с розами.

Молодоженка *(разочарованно)*. Не, мой Вася молодой. И дубленки у него нету.

Дама. А машина есть?

Старуха. А ей за что розы? Или она ему дите родила?

Офицерша. А за муки.

Токсикозная *(сквозь зубы)*. Оно ему нужно, дитё это!

Молодоженка *(красит ресницы)*. Волосы только не накручены, что делать?

Офицерша. Вчера стонала, а сегодня прихорашиваешься — или на танцы собралась? *(Смотрит в окно.)* Ясно, со свертком — за ребеночком приехал!

Дама *(выглядывает)*. Одеяльце розовое — значит, девочка!

Токсикозная. Одной мученицей больше. *(Корчитя от боли.)* У, сука, мать, пресвятая богородица!

Девушка *(Токсикозной)*. Больно, да? Больно? *(Мечется, шепчет.)* Что же делать, что делать, что делать?

Офицерша. Ничего, переживешь. Завтра уже будешь красоту наводить. (*Молодоженке*). Щеки хоть не румянила, пусть следы мук видит. А то ведь не пожалеет.

Молодоженка. Так ведь смотреть страшно — какая синяя! (*Смотрит на термометр*). Ой, тридцать семь и шесть! Ну все — не отпустят! (*Быстро стряхивает*). Пусть будет тридцать семь. Или тридцать шесть и восемь, ведь лучше?

Офицерша. Смотря для чего. Чтоб Васю теплей согреть, лучше тридцать восемь.

Токсикозная (*ненавистно*). Спеши, спеши — скорей назал вернешься!

Дама (*Молодоженке*). Напрасно вы рискуете, захотите потом родить, не сможете.

Токсикозная. А для какой радости рожать? Мужики теперь сволочные, и дети не лучше! (*Стоит*.)

Дама. Я который раз по полгода вылеживаю, и все попусту!

Токсикозная (*ненавистно*). Чтоб им всем пусто было, сука, мать едрёна! Ну все, последний раз, больше я сюда не приду!

Офицерша. Зарекался волк овец не таскать!

Молодоженка. А если очень беречься?

Девочка (*чистым детским голосом*). А разве от этого не всегда дети бывают?

Офицерша (*грубо*). Ты отчима спроси, он тебе

все разъяснит!

Молодоженка (*хихикает*). Через арифметику!
На пальцах!

Токсикозная. Одного пальца хватит, нижнего!

Смеются.

Офицерша. Нижним пальцем он ей уже всю таблицу умножения объяснил.

Девочка (*обиженно*). Мы таблицу умножения еще в третьем классе закончили. Просто я на второй год оставалась. А в пятом у нас уже иксы и даже эти, игреки.

Общий смех.

Офицерша (*закатывается*). Ой, не могу! Какие еще греки?

Девочка. Не греки, а игреки! Буква такая!

Молодоженка. Вот так, буква по букве, и до шести месяцев дотянули!

Офицерша (*жадно*). А что, он к тебе ещё приходил? После того раза в ванной?

Девочка. Куда приходил? Мы же все вместе живем: и он, и мама, и Дениска.

Офицерша. Еще и Дениска?

Молодоженка. Они по очереди арифметикой с тобой занимались?

Девочка (*смеется*). Дениска разве может арифметику? Он только в ясли пошел.

Офицерша. Мать, значит, Дениску в ясли, а отчим — к тебе?

Токсикозная (*корчась от боли*). А ты и рада? От матери родной мужика отбила и рада!

Девочка. Я не рада...

Дама. Да как ты матери в глаза после этого смотрела?

Офицерша. Это ведь совесть какую иметь надо!

Молодоженка. Ты скажи: тебе хоть стыдно перед матерью было?

Токсикозная (*ненавистно*). Как же, стыдно! Только и ждала, небось, когда за матерью дверь закроется!

Девочка (*испуганно*). Чего вы ко мне пристали?

Офицерша (*ожесточенно*). Расскажи, расскажи, крошка, как ты мать родную обманывала!

Молодоженка (*подхватывает*). В ее же доме! На ее же кровати!

Девочка (*плачет*). Ну, что вам надо? Что вы пристали?

Девушка (*кричит, словно очнувшись от обморока*). Хватит! Замолчите! Прекратите ребенка мучить!

Девочка прячется с головой под одеяло.

Токсикозная. Ребенок — прямо из пеленок! Тьфу ты, сука, мать едрёна, пресвятая богородица!

Девушка. За что вы? Что она вам сделала?

Офицерша. Защитница нашлась — сама, небось, такая же!

Дама. Девки теперь бешеные какие-то стали: так и липнут на мужчин, особенно если женатый.

Молодоженка. Васе моему прямо проходу не дают.

Токсикозная (*ненавистно*). А что делать, если холостых не осталось?

Офицерша (*у окна, Девочке*). Слушай, там не мать твоя? (*Девочка не отвечает.*) Слышишь, что говорю, (*трясет ее, стаскивая одеяло*) глянь, то не мать твоя стоит?

Девочка (*всхлипывая*). Где?

Офицерша. Вон, давно уже стоит, никого не зовет, на наше окно смотрит.

Девочка, приподнимаясь на постели, смотрит в окно и тут же, закрыв лицо руками, падает на подушку и плачет громко, навзрыд.

Молодоженка. Она, да?! (*Бросив зеркало, бежит к окну.*) Какая? Эта?

Офицерша (*с подъемом*). Вон, у забора, видишь?

Молодоженка. Смотри, молодая еще! Плачет...

Дама (*тоже глядя в окно*). Пришла все же... (*Девочке.*) Что ж ты? Выгляни, хоть рукой махни...

Девочка, заливаясь слезами, отрицательно трясет головой.

Дама. У матери сердце все, небось, изболелось, а ты!

Молодоженка. Думаешь, ей легко было прийти — после такого?

Девочка (*захлебываясь рыданиями*). А я просила?.. Она его в дом... я говорила, а она... Кому он нужен?.. Пьяный, руки волосатые... А она его... А мне с Дениской целый день... И уроки некогда... Я же не просила...

Офицерша. Надо же — какая! На мать родную взглянуть не хочет!

Токсикозная (*ненавистно*). Правильно! Чего глядеть! (*Корчится*.) У-у, сука, мать едрена, пресвятая богородица!

Старуха (*которая все время ничком лежала на постели, поднимает голову, Токсикозной*). Что ты все богородицу бранишь? Нехорошо это...

Токсикозная. А что, спасибо ей сказать?

Старуха. Она грехи наши на себя приняла: и мои, и твои. Для спасения души.

Токсикозная. Много она меня спасала! Или, может, ее? (*Кивает на Девочку*.)

Офицерша (*у окна, возбужденно*). Несут, несут! Он — ребенка, она — розы!

Молодоженка. Как обрядили — весь в кружевах!

Дама. Где это он среди зимы розы достал? (*Смотрит*.) Ой, это Новосильцев, артист, знаете?

Молодожен ка. Правда, он самый! Как я сразу не узнала? Он в этом, про пустыню, играл, да?

Офицерша. По телевизору показывали, что ли?

Дама. Ну да, многосерийный.

Офицерша. То-то на ней шуба такая!

Молодожен ка (*мечтательно*). Как дым!

Нянька вводит Мать — в одной рубахе. Та с трудом идет к кровати.

Молодожен ка. Подумать только — Новосильцев! Вот счастливица!

Девушка (*к Матери*). Что, очень больно? Маску дают? Или укол?

Нянька (*укладывая Мать*). На живот ложись, вот тебе лед, вот халат, спать нельзя.

Мать (*сквозь стон*). Знаю. Не первый раз, небось.

Молодожен ка. Жизнь у ней, наверно! Не то, что у нас!

Дама. Не очень завидуй-то... У меня муж на киностудии работает, он про артистов такое рассказывает, такое! Не поверишь даже сперва!

Нянька (*Девушке*). Ну, пошли давай!

Девушка (*дрожжа*). Уже пора?

Нянька. Или домой пойдешь?

Офицерша. Смотри, а в машине — собака!

Дама. Где? (*Всматривается.*)

Девушка. Нет, нет, я сейчас... У вас от сердца капель нет?

Нянька. Иди, иди, какие еще тебе капли!

Молодоженка. Ух, какая — рыжая, лохматая!
А морда длинная!

Нянька (*ведет Девушку*). А часы у тебя зачем?
Часы нельзя, провожатому отдать надо было.

Девушка. Почему нельзя?

Нянька. Мало ли что с тобой случится, родственники потом с нас часы требовать станут.

Девушка (*снимает часы*). Я тут оставлю, на тумбочке.

Нянька. Не положено на тумбочке: если что случится, кто за них отвечать будет?

Девушка (*в ужасе*). А что может случиться?

Нянька. Всякое бывает...

Старуха. Ладно, мне часы давай, я посторожу.

Девушка (*Старухе*). Спасибо. Если что случится... (*не договорив, убегает.*)

Токсикозная. Кому она часы отдать могла? Я видела, ее никто не провожал.

Нянька (*перестилает постель Молодоженки*). Это она, что ль, вещи в камеру сдавала?

Молодоженка. Да она, видать, незамужняя! То-то, я гляжу, халат на ней больничный!

Нянька. Ну да, раз без провожатого: и халат, и тапки — все наше, своего ничего не принесла. (*Выходит.*)

Офицерша. По секрету, небось, от матери пришла.

Токсикозная. А юбочка на ней — во! (*показывает рукой*) даже задницу не прикрывает. Ходят такие, сука мать, пресвятая богородица, — ляжки показывают, мужиков наших уводят!

Офицерша. А он — тоже хорош! Даже проводить ее не пришел!

Молодоженка. И правильно! Это каждую, которая на шею вешается, в больницу потом провожать?

В коридоре шум. В палату вбегают Девушка, за ней Нянька. Девушка без халата, в белой длинной рубахе, без тапок, на ногах белые полотняные чулки.

Девушка. Нет, ни за что! (*Бросается на постель.*) Ни за что! (*Рыдает.*)

Нянька. Ты куда? Ишь, чего надумала — с кресла убежать!

Девушка (*в истерике*). Ни за что!

Нянька. Или тебя силком сюда привели? Сама пришла.

Офицерша. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Девушка. Какой ужас! Ужас! Все в крови! Таз — полный крови!

Токсикозная. А ты без крови хотела?

Мать (*поднимая голову с подушки*). Ведь это б человек был, если его не выдернуть.

Нянька. А врача нервовать?

Молодоженка. А если у него через тебя рука дрогнет?

Токсикозная. Он теперь другую покалечить может!

Нянька (*свирепо*). Собирайся — пошли!

Девушка (*в ужасе*). Куда?

Нянька. Домой — куда ж еще?

Старуха. Правильно, иди домой, детка: разве можно дитя свое убивать? Раз оно зародилось, значит, на то Божья воля была.

Токсикозная. Как же, — Божья! Делать ему больше нечего, Богу, только об нас думать!

Нянька (*дергает Девушку*). Собирай вещи!

Старуха. Без Божьей воли волос с головы не упадет.

Токсикозная. С головы-то нет! А матушку-барыню ей, с Божьей помощью, уже побрили!

Нянька. Чулки сымай казенные! (*Девушка снимает чулки, Нянька берет их.*) Ну, идем?

Все это время все смеются остроте Токсикозной.

Токсикозная. Иди, иди — через полгода назад придешь! Тут уже не убежишь!

Офицерша. А любезный твой на машине за тобой прикатит — вон как за этой. Глянь. (*Девушка босиком идет к окну.*) С розами!

Токсикозная. Шубу подарит!

Молодоженка. Ребеночка в кружева оденет!

Общий смех.

Токсикозная. Ой, не смехи, мать едрёна, пресвятая богородица! Ведь больно!

Офицерша (*Девушке*). Ну как? Больше подходит?

Нянька. Пошли, пошли, у меня время нет ждать!

Девушка. Сейчас, я сейчас... (*умоляюще*) секун дочку...

Молодоженка. Она подождет, пока он деньги на машину наберет!

Офицерша. В сберкассе денег накопил, машину новую купил!

Общий хохот. Девушка стоит у окна, плечи ее вздрагивают.

Нянька. Или в операционную надумаешь?

Старуха. Иди домой, раз душа не позволяет.

Мать (*с подушки, со стоном*). Иди, не бойсь: вишь, никто не помер, все живы остались. Покричишь немного — и освободишься.

Нянька. Живей решай, а то врачи уйдут!

Девушка. Давайте чулки. Где чулки? (*Берет чулки.*) Пошли! (*Выходят.*)

Нянька. То-то же. Будто до нее никто аборт не делал! (*Выходит.*)

Старуха. Зря. Ей потом дитя это по ночам являться будет.

Мать. Если за день хорошо умяться, никто ночью не явится.

Офицерша. А явится, не добудится.

Токсикозная. Если б мои все являться стали, им бы места в комнате не хватило!

Молодоженка. А что, много их?

Токсикозная. А я и не считаю. Если своего мужика нет, чужой тебя никогда не пожалеет, сука, мать едрёна!

Дама. Можно же, наконец, воздержаться!

Токсикозная. Еще и в этом себе отказывать!

Старуха. А ведь когда-то и помирать! Об этом ты думала?

Токсикозная. А я хоть сейчас готова. Мне что жить, что помирать — все едино.

Мать. Что прежде время об смерти думать? До нее еще дожить надо!

Офицерша. А помрешь — похоронят, небось. Поверх земли не оставят!

Старуха. Об смерти заранее думать надо, чтобы с чистой совестью перед Господом предстать.

Молодоженка хихикает.

Токсикозная. И много у тебя детей, что ты гордишься так?

Старуха. Нет у меня никого. Одна я, как перст.

Офицерша. Куда ж ты их? В клозете, что ль, топила?

Старуха. А откуда у меня детям быть? У меня Федю еще в первые дни войны ранило — он из госпиталя калекой вышел. Да и мучился потом недолго: года не прошло — помер. И пожить как следовало не успели, тем более невенчаные.

Токсикозная. А после — никого? Ведь ты молодая была!

Старуха. Никого!

Токсикозная. Быть не может! Врешь ты все!

Старуха. Мне врать нельзя. У меня болезнь смертельная.

Токсикозная. При чем тут болезнь?

Старуха. А при том, что долго на земле не задержусь. В дальнюю дорогу готовиться пора.

Офицерша. Да где в те годы мужика было взять? Их и не было вовсе!

Токсикозная. Это другой разговор!

Молодоженка (*тихо, взволнованно*). Господи! Да что это за жизнь: радости никакой, а потом в больнице умирать? Лучше уж не жить вовсе!

Старуха. А это не нашего ума дело: кому жить, кому нет. Это Господь решает.

Офицерша. Почему так? Мы вот — сами решаем. Приходим сюда и решаем.

Старуха. Вот и стали нелюди! Хоть бы у одной сердце дрогнуло, дитя свое убимши.

Молодоженка. При чем сердце, если обстоятельства не позволяют?

Токсикозная (ненавистно). Ну ты, мать едрёна, собралась помирать — помирай, а других не трожь! И без тебя тошно!

Мать. А я вот иногда, если время есть, представляю, какие б они были, мальчики мои. У меня ведь все мальчики, все мальчики!

Девочка. И у меня мальчик был — семьсот грамм!

Дама. А я — если б могла — я б, кажется, десятерых родила! Только б своих — тепленьких, хоть девочек, хоть мальчиков! Только б родить!

Офицерша. Куда в наше время десять! С одним не знаешь, как управиться!

Токсикозная. Света белого не видишь!

Мать. Хорошо еще, если здоровый! А если болеет?

Дама. Да я б ночей не спала! Ничего мне не надо, мне только б родить!

Старуха. А была б вера в тебе, может, оно б и легче было. Все надежда была бы!

Дама. Какая может быть вера? Меня с детства приучили, что никакого Бога нет, одна материя.

Токсикозная. Какая материя? Мануфактура, что ли?

Мать. Теперь хорошей материи не достать — одна синтетика!

Токсикозная. Скоро детей из синтетики делать начнут!

Офицерша. Может, оно к лучшему. Все сердце из-за них изболится, а они что? Вон *(кивает на Девочку)* — мать два часа под окном ждет, а она и не выглянет! Ей и дела нет.

Девочка не отвечает.

Нянька *(входит, Молодоженке)*. Собирайся, пришли за тобой!

Молодоженка *(вскакивает)*. До свидания! Я побежала! *(Смотрит в зеркало.)* Я очень страшно выгляжу, да?

Мать. Ты хоть в первые дни не очень-то Васе позволяй.

Офицерша. Ничего, потерпит — тем более, температура у тебя.

Дама. Конечно, он должен вас пожалеть!

Токсикозная. Жалела раз кошка мышку!

Молодоженка. Скорей все выпишывайтесь!
(Уходит в сопровождении Няньки.)

Офицерша. Ничего, разок-другой влетит — научится!

Мать. Вот так, приходишь сюда вдвоем, уходишь одна...

Девочка вдруг срывается с постели и бросается к окну с криком «Мама!». Мгновенная тишина, потом Старуха и Офицерша бросаются к Девочке, которая стоит у окна, прижавшись к стеклу лицом.

Старуха. Ложись, Господь с тобой! Тебе нельзя.

Офицерша. А мать — убежала! Смотрите — убежала! Бежит и плачет!

Девочка (*душераздирающим голосом*). Ма-а-а-ма! (*Падает на пол.*)

Офицерша и Старуха поднимают ее и укладывают на постель. Девочка рыдает.

Старуха (*с грубоватой лаской*). Будет тебе реветь, не маленькая.

Девочка (*сквозь рыдания*). Куда мне теперь? После больницы? Куда? Куда?

Офицерша. А домой, к матери. Куда ж еще?

Девочка (*в ужасе*). Нельзя мне туда! Никак нельзя!

Мать. Ясно, не просто тебе теперь там будет.

Токсикозная. А раньше — просто было? У, сука, мать едрёна, пресвятая богородица!

Девочка плачет.

Офицерша. Нет, ни к чему в наше время детей иметь.

Дама. Неверно вы рассуждаете. Без ребенка — какая семья?

Токсикозная. С ребенком будто семья! Мой вот — бросил, ушел к молоденькой, что ему ребенок этот!

Офицерша. Он десять других сделать может!

Дама. Вот мы с мужем: уже немолодые оба... Сидим вдвоем за столом и молчим. Телевизор смотрим. Все уже переговорено. А ребенок был бы...

Офицерша. Втроем бы телевизор смотрели.

Дама. Мой муж так детей любит! Иной раз подумаешь: ну, ладно, я такая калека уродилась — неродящая, но ему-то за что страдать?

Токсикозная. Ничего, пострадает-пострадает и родящую себе найдет!

Дама. Ведь сорок уже скоро...

Токсикозная. Тем более, найдет. Помоложе.

Дама. С тоски собаку завел. Возится, как с ребеночком: чешет, кормит, гулять водит.

Токсикозная (*с интересом*). Большая собака?

Дама. Афганская борзая.

Токсикозная. Кобель или сучка?

Дама. Кобель, конечно! Кому сучка нужна, со щенками возиться!

Токсикозная. У одной полковницы на нашей улице муж тоже кобеля держал. Так она с ним жила!

Офицерша. С кем жила?

Токсикозная. С кобелем, с кем же! Видный такой кобель — роста с человека. Овчарка.

Дама. Вы шутите! Разве это можно — с собакой!

Токсикозная. Какие шутки! На нашей улице дело было, в семнадцатом номере, где обувной, знаете?

Офицерша. За аптекой, что ль?

Токсикозная. Ну да. А началось у них все, когда полковник в командировку уехал. Он, значит, уехал, а она осталась — ванну приняла и прилегла на диванчик, отдохнуть. *(Вдохновенно.)* Напарилась, разнежилась, лежит — млеет. А кобель подошел и языком ее прямо в матушку-барыню лизнул.

Дама. Фу! Зачем лизнул?

Токсикозная. Затем, что женщина в этом месте пахнет, как собака — селедкой. Как он лизнул ее, сука, мать едрёна, возмутилась она вся...

Дама. Как не возмутиться? Чтоб собаке такое позволить!

Токсикозная. ...возмутилась, прямо запылала вся! *(Самозабвенно.)* Вся так и задрожала, потому как лизнул он ее с большой лаской! И тут же с этим кобелем поимела. Муж у ней был — полковник! — и любовник был — тоже в каком-то чине, но ни с кем никогда она такого удовольствия не видала, как с этим кобелем. А звали его Джульбарс!

Офицерша. Красивое имя — Джульбарс!

Старуха. Прости, Господи, о чем только мелют, и языки у них не отсохнут! Одно слово — нелюди! *(Выходит.)*

Токсикозная. И стала она с этим кобелем, как с мужем, жить. Розовая стала, пышная вся, довольная! А муж из командировки приезжает.

Офицерша *(в увлечении)*. Ну?

Токсикозная. Ну, муж приезжает и она ведет его, конечно, в спальню. А кобель под дверью начинает выть. Так выл, так выл — до утра. Всю улицу перебудил.

Мать. А муж что?

Токсикозная. А муж ничего, откуда ему знать? Только замечает, что кобель к нему не идет, в глаза ему не смотрит. А она, бедняжка, вся страхом извелась — а вдруг кобель что-нибудь сотворит?

Девочка. Как это — сотворит?

Токсикозная. Ну, ее загрызет. Или мужа.

Девочка. Почему загрызет?

Офицерша. Ясно почему — из ревности. *(Нетерпеливо.)* Ну, а потом?

Токсикозная. Не выдержала она и к мужу: я, говорит, пса этого ненавижу. Я, говорит, видеть его не могу, так что выбирай, говорит, он или я.

Офицерша *(замирая от восторга)*. Так и сказала?

Токсикозная. Так и сказала, сука, мать едрёна, пресвятая богородица!

Офицерша. А муж?

Токсикозная. Что ему делать оставалось? Взял он пса и отвел к ветеринару, чтоб усыпить.

Девочка. Зачем усыпить?

Офицерша. Убивают их так, чтоб не мучились.

Девочка. А зачем убивать? Отдали бы другим.

Токсикозная. Так боялась она: вдруг он дорогу

домой найдет? Он ведь умный был, как человек! Как его уводили, он в глаза ей посмотрел: прощай, ласкать, навек, а она — хлоп! — и в обморок.

Офицерша (*замирая*). В обморок? А муж?

Токсикозная. А что муж? Муж — он муж и есть.

Мать. Нет, я вам другую историю расскажу...

Нянька ведет под руку Девушку — та еле бредет, в рубашке:
за ними Старуха.

Мать. Судья у нас в районе был, не слышали?

Нянька укладывает Девушку на кровать Молодоженки, рядом с Девочкой.

Нянька. На живот ложись, вот халат, вот лед, спать нельзя.

Мать. Была у него молодая жена и собака — немецкая овчарка.

Токсикозная. Кобель?

Девушка стонет.

Девочка (*Девушке*). Что, очень больно было?

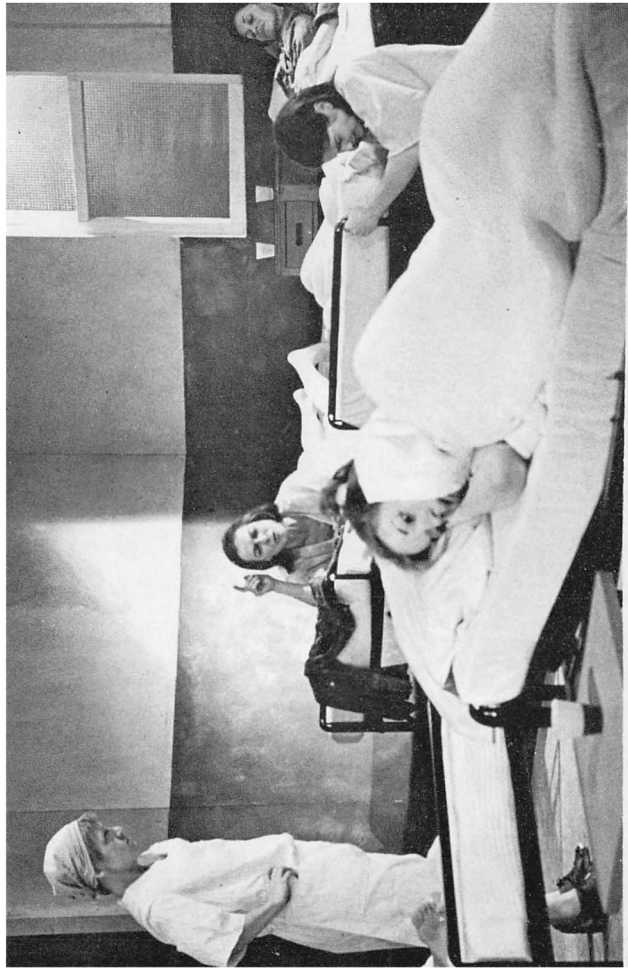
Девушка не отвечает.

Мать. Приходит он раз из суда домой и говорит жене...

Девочка. Мне тоже больно было, только мне искусственные роды делали.

«Матушка-барыня», Интер-Арт Театр, Нью-Йорк, 1975 г.

«Матушка-барыня», Интер-Арт Театр, Нью-Йорк, 1975 г.

М а т ь. Моряка я сегодня к смерти присудил. говорит, за убийство!

Офицерша (*вся внимание*). За убийство?

Девочка. ...у меня мальчик был, семьсот грамм... даже запищал сперва, я слышала...

М а т ь. Жenu он, моряк этот, убил — из ревности.

Девушка. Вот и все! (*Стонет.*) Вот и все! Все! все-все-все! (*Дрожит.*)

Старуха (*укрывает ее халатом*). Халатом укройся, вон дрожишь как. (*Крестит ее.*) Прости, Господи, душу заблудшую!

М а т ь. Потому как, пока он в плаванье ходил, она с кобелем ихним жила...

Девочка. Они говорят, ты незамужняя. Правда это?

Девушка (*сквозь стон*). Почему они решили?

М а т ь. А я, говорит, как судья не могу в это поверить...

Девочка. Не знаю. Потому, наверно, что не провозжал тебя никто.

М а т ь. ...потому что никак этого моряка проверить нельзя: как это он про жену узнал.

Девочка. Он тебя бросил, да? Совсем-совсем бросил?

Девушка, не отвечая, стонет, уткнувшись лицом в подушку.

М а т ь. А жена судьи плечиком пожала и говорит: «Глупости!»

Девочка. А ты очень его любила?

Девушка. Очень.

Мать. Очень даже можно, говорит, проверить...

Офицерша. Как же можно?

Девочка. Как это можно — мужчину любить?

И это с ним делать? Это же противно!

Девушка. Если любить — не противно. (*Стонет.*)

Мать. А так, говорит, проверяют: кофту с нее снять и на плечи ей посмотреть...

Девочка. Как же ты теперь жить будешь?

Девушка. Не знаю.

Мать. Если жила с кобелем, на плечах от когтей следы быть должны...

Токсикозная. Это точно!

Девочка. А он как?

Девушка. Не знаю...

Девочка. И я не знаю... Куда я пойду? Домой нельзя...

Мать. Тут судья весь задрожал, вскочил, кофту с жены сорвал, а у ней на плечах...

Токсикозная (*в восторге*). ...следы от когтей?!

Офицерша. Ну!?

Девочка. Как ты думаешь, куда мне идти?

Девушка (*стонет*). Не знаю, не знаю, не знаю, ничего я не знаю!

Мать. Тут он сразу ее и убил! На месте!

Токсикозная (*в упоении*). Ух ты, сука, мать

едрёна, пресвятая богородица!

Дама. А дети у них были?

Офицерша. При чем тут дети?

Дама. Не может человек мать своих детей убить!

Токсикозная. А может, это не его дети вовсе, а кобеля!

Хохот.

Офицерша. А вот Молодоженка наша, с Васей своим. (*Смотрит в окно.*) Идут в обнимку, будто летят.

Мать. Значит, через два месяца опять сюда придет!

Дама (*тоже смотрит*). Невидный какой! И роста небольшого! А она о нем: ах, Вася мой! — лучше всех!

Мать. Что рост? Мужик — он мужик и есть. Все лучше, чем кобель.

Токсикозная. А может, кобель лучше?

Офицерша. Ты у полковницы спроси!

Офицерша, Токсикозная, Мать смеются громко, до истерики.

Старуха (*хрипло*). Чего радуетесь? Чему радуетесь? Детей покончили своих — и рады? Ведь кровь на вас! Кровь! А ведь и вам помирать! О смерти вы подумали? Как перед Богом ответ держать?

Все испуганно смолкают и смотрят в тишине на Старуху, которая стоит над ними страшная, взлохмаченная, как призрак Смерти.

Девочка (*садится в постели, кричит пронзительно детским криком*). Да, нет его, Бога твоего! Нет его! Нет! Нет! Нет!

Занавес

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Но знает Бог, что в день, в который вкусите их, откроются глаза ваши и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

Книга Бытия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лика — поэтесса, вдова, была хороша собой, 75 лет.

Леля — переводчица поэзии, старая дева, 77 лет.

Федя — мелкий поэт, всю жизнь служил редактором в издательстве, 75 лет.

Люба — жена Феди, большую часть жизни провела в лагере и ссылке, 65 лет.

Мосье Николая — в середине 50-х годов вернулся из эмиграции, автор многих мемуаров, 77 лет.

Дорогой (Левка) — дважды был в тюрьме, в промежутках воевал, 72 года.

Изгой — очень дряхлый, всегда молчит, сидит в стороне, 80 лет.

Толик — молодой парень, шофер, склонен к духовной жизни.

Голова в шапке — случайный прохожий.

Действие происходит в начале семидесятых годов XX века.
Дом для престарелых писателей — что-то вроде богадельни
— под Москвой. Ранняя весна.

Сцена изображает столовую: большой стол со стульями в центре, сбоку большой резной буфет, окно, дверь.

На подоконнике стопка тарелок, супник с супом, половник, соусник со сметаной. У окна стоит Люба с половником в руке. За столом Леля, Лика, Федя. У противоположного конца стола — Изгой.

Люба. Леля, я наливаю?

Леля (*рыдающим голосом*). Мне все равно, все равно, все равно!

Федя (*паясничает, как ярмарочный зазывала*). Супа поменьше, сметаны побольше!

Люба (*наливает суп*). Я уверена, к обеду он придет обязательно.

Леля (*берет у Любы тарелку*). Не знаю! Не знаю, что и думать. Так долго он никогда не задерживался. (*Навзрыд.*) С ним что-то случилось — мне сердце подсказывает!

Люба (*наливает суп*). Зачем сразу отчаиваться? (*Подает тарелку Феде.*)

Федя (*паясничая*). Супа поменьше, сметаны побольше!

Леля. Мясо я ему оставлю: он обожает мясо. (*Навзрыд.*) Если только он придет! Но нет! Недаром я сон видела страшный!

Лика. Сколько я в своей жизни видела вещей снов! И худшие всегда сбывались!

Люба наливает суп.

Леля. Будто меня окунают в кипящий чан, а волосы мои плывут над водой, но не такие, как сейчас, а длинные-длинные. И какая-то рука давит на мой лоб, чтобы я погрузилась с головой, и голос (*вздрагивает*), знаете, такой замогильный, повторяет: «Ты у нас научишься кипеть под давлением. Ты у нас научишься!» И тут я захлебнулась. А теперь его все нет!

Лика. И моего Дорогого тоже все нет и нет. (*Кокетливо.*) Просто не знаю, как быть: поухаживать за мной некому.

Люба (*берет тарелку*). Налить?

Лика (*не встает*). Мне, право, неловко утруждать милую Любу...

Люба (*нелюбезно*). Так я налью. (*Наливает суп.*)

Лика. Мне немного...

Федя (*пронзительно*). Супа поменьше, сметаны побольше!

Леля (*вздрагивает*). Тише! (*Роняет ложку.*) Нет, не могу есть. Если с ним что-нибудь случится, я не переживу!

Лика. Все можно пережить. Я вот пережила всех, кто меня любил. А все они погибли! Все погибли! Ни один не умер своей смертью. (*Берет тарелку у*

Любы.)

Люба со своей тарелкой садится к столу. Как только она отходит от окна, Изгой направляется к супнику. Идет он нетвердой походкой: когда он доходит до своей цели, входит Мосье Николая. Изгой испуганно шарахается назад.

Леля. Разве это любовь! Люди не способны на настоящую любовь. *(Со слезами.)* А он такой любящий, такой нежный!

Ли ка. Мой первый муж, поэт Виолантов, любил меня безумно, просто обожал. А я, представьте, сначала даже не знала, что его настоящая фамилия Кац! Я понятия не имела, что он еврей...

Мосье Николая. О Боже, опять еврейский вопрос! *(Наливает себе суп.)*

Ли ка. А потом его убили бандиты на улице. Это было в Гражданскую войну... Мы всего два месяца были женаты...

Изгой, наконец, с трудом, дрожащими руками, наливает себе суп.

Мосье Николая *(садится к столу, начинает есть)*. Сметана прогорклая.

Федя. Милостивый государь, здесь богадельня, а не ресторан «У Максима» в Париже.

Мосье Николая. Насчет Парижа совершенно справедливо замечено.

Люба. Не надо требовать от жизни слишком много. Вот я в лагере каждый вечер молилась: «Гос-

поди, дай мне кончить жизнь на нижних нарах!»

Федя. А я, наивный, поверил, что ей и впрямь ничего не надо. Поверил и потерял свободу.

Ли ка. Мой первый муж был поэт. Свобода была для него важней жизни, но он принес ее в жертву мне. А потом его убили бандиты на улице...

Леля (*ломаая руки*). Да, на улицах бандиты! Это невыносимо — ждать! Где он? Когда он, наконец, вернется?

Федя (*паясничая*). Майн либер Кац!

Ли ка. Представьте, я сначала понятия не имела, что его фамилия Кац!

Мосье Николая. О-о! Опять еврейский вопрос!

Федя (*со страстью*). Да, именно вопрос! Я — русский дворянин, и вот, пожалуйста, связал свою жизнь с ней! (*Показывает на Любу.*) А ее родители держали бакалейную лавочку в Жмеринке!

Люба. В Бердичеве.

Федя (*патетически*). Какая разница мне — русскому дворянину — Жмеринка это была или Бердичев!

Мосье Николая. Часто ли вы вспоминали о своем дворянстве за последние пятьдесят лет?

Федя. Пусть не часто! Пусть! Зато судьба моя всегда была неотделима от России! А некоторые предпочли Париж!

Люба. Федя, может, сходишь за вторым?

Федя (*капризно*). Для чего человек женится?

Чтобы ходить за вторым?

Люба, не отвечая, выходит. Как только она выходит, Изгой включает транзистор, который стоит перед ним на столе. Изгой перестраивается с одной волны на другую: голоса, музыка, треск.

Ли ка (*затыкая уши*). О, Господи!

Мосье Николя. К сожалению, оказалось, что и моя судьба неотделима от России...

Федя. Зачем вам понадобилось возвращаться?

Мосье Николя. Вы бы не вернулись?

Федя (*трясется*). Я бы не уехал!

Приемник (*очень громко*). «...и тысячи звонких голосов повторили прекрасную клятву, тысячи голосов отозвались, как один: «Всегда готов!» Входит Люба с подносом.

Люба. Опять включил?

Изгой выключает приемник и выходит на кухню.

Мосье Николя. Что, опять треска?

Леля. Треску я ему оставляю: он обожает треску. (*Вскакивает.*) Господи, да что же я сижу? Может, он давно вернулся, влез в форточку и лежит на подушке! А я тут с ума схожу!

Федя. Разве можно пускать кота на постель? Потом глисты заведутся.

Леля (*возмущенно*). От Мурзика — глисты? Ну, знаете! (*Выбегает.*)

Федя. Вот, пожалуйста, возись потом с глистами!

Ли ка. Что-то мой Дорогой и ко второму опаздывает. А ведь врач его предупреждал.

Федя. Меня врач тоже предупреждал после операции геморроя, чтоб я по лестнице не ходил. Вам же, говорит, будет хуже. Ну, я и не ходил. И вот, пожалуйста, все прошло. И горло тоже.

Изгой возвращается с тарелкой, с трудом идет в свой угол.
ест.

Ли ка. Всю мою жизнь так: стоит кому-то меня полюбить, с ним тут же что-нибудь случается.

Мосье Николая (*отодвигая тарелку*). Господа, вам не надоела треска?

Лю ба. Треска очень полезна при склерозе, не то что яйца.

Ли ка. Мой второй муж — Мартынов — был боевой командир. Когда его арестовали в тридцать седьмом, его сразу расстреляли. А я не знала, мне никто не сообщил, я его тринадцать лет ждала, а его давно и в живых не было...

Лю ба. Я в гражданку целый год одни яйца ела: мы в детдоме с ребятами забирались к завхозу на кухню, прокалывали яйца булавкой и выпивали из каждого понемногу, чтобы не заметил никто...

Федя. Ела в детстве слишком много яиц и вот, пожалуйста, ничего не понимает в поэзии. Я читаю ей Гумилева: «И забыли мы, что осиянно только

Слово среди земных тревог», а она удивляется: «Разве Гумилев хороший поэт?»

Ли ка (*декламирует*). И в Евангелии от Иоанна сказано, что Слово — это Бог!

Лю ба. Я потому спрашивала, что ты сам в предисловии писал...

Федя (*трясется*). Сам, сам! При чем тут «сам писал»? Сам! В предисловии! То в предисловии, а то в жизни!

Лю ба выходит, не отвечая.

Ли ка (*декламирует*).

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы Естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова!

Мосье Николая. Можно подумать, будто вы стыдитесь того, что сами писали.

Федя. Попробовали бы вы в те годы писать!

Лю ба возвращается с двумя чайниками: большим и маленьким.

Лю ба (*достает сахарницу из буфета*). Сахару по два куска.

Федя (*паясничая*). Чаю поменьше, сахару побольше!

Ли ка (*кладет сахар в чашку*). У меня от завтрака кусок остался.

Федя. Кто может это подтвердить? Так вот, берут, кто сколько хочет, а к ужину — пожалуйста, чай вприглядку!

Ли ка. Фи, Федя, вы совсем не рыцарь!

Федя. Какой там рыцарь! Я теперь человек женатый.

Ли ка. Увы! Но, может, все же поухаживаете за мной, раз моего Дорогого все нет? *(Протягивает ему чашку.)*

Лю ба *(берет чашку, нелюбезно)*. Я налью.

Федя *(вырывает чашку)*. Нет уж, лучше я. Вспомню молодость!

Ли ка *(кокетливо)*. Но вы рискуете: каждый, кто меня любил, умирал не своей смертью. С ним всегда что-нибудь случилось. С каждым.

Лю ба. С ним ничего не случится: он так себя бережет!

Стремительно входит Леля, она несет металлическую тарелку с песком.

Леля *(бросается к Феде)*. Вот, смотрите! Вот его кал! Если бы у него были глисты, тут были бы яйца! Вот! *(Сует тарелку Феде под нос.)*

Федя *(роняет чашку)*. Вот, пожалуйста, а она говорит: ничего не случится! *(Выбегает из столовой.)*

Ли ка *(осторожно поднимает чашку)*. Мой сахар!

В столовую входит Дорогой.

Дорогой. Что это с Федей? Куда он?

Мосье Николя. В душевую, скорей всего.

Дорогой. Посреди обеда? *(Целует Лике руку.)*
Как тут Дорогая без меня?

Лика. Ужасно! Вас нет и нет, а Федя чуть не погубил мой сахар.

Леля. Нет, вы подумайте, сказать такое! Что у Мурзика глисты! *(Сует тарелку Дорогому.)* Вот! Вот его кал!

Дорогой. Чей?

Леля. Если бы у него были глисты...

Дорогой. Кошки—это гадость! Это я вам говорю!

Леля *(отшатывается)*. Как вы можете! Сегодня! Когдас ним наверняка что-то случилось! *(Выбегает.)*

Лика. Она всегда кошек любила больше, чем людей. Потому и осталась старой девой.

Дорогой. Из кошек надо делать шапки, это я вам говорю.

Люба. Да нет, у нее был муж, он погиб в тридцать седьмом...

Дорогой. В тридцать седьмом? Вполне мог погибнуть, это я вам говорю. Я сам чуть не погиб.

Мосье Николя *(картинно вздыхает)*. Боже, опять тридцать седьмой!

Дорогой. Конечно, вы тридцать седьмой в Париже пересидели!

Мосье Николя. Дался вам этот Париж!

Лика. Не было у нее никакого мужа. Она всегда была такая старуха, как сейчас, всю жизнь. И ника-

кого мужа у нее быть не могло. Вот мой муж — боевой командир Мартынов — погиб в тридцать седьмом. Его тут же расстреляли, а я его после того тринадцать лет ждала...

Дорогой (*наливает суп, ест*). Суп остыл совсем. У меня сегодня аппетит! Только в войну такой аппетит был.

Лика. Хотите, я почитаю свои стихи про войну?

Федя (*входит*). Только не про войну! Я лично отредактировал сотни тысяч метров военных стихов, там не было ни одной строчки стоящей.

Мосье Николая (*усмехаясь*). Мы читали об этом в вашей книге о поэзии военных лет. Впрочем, там вы, кажется, говорили что-то другое...

Федя (*трясется*). Читатели! Читают зачем-то, а потом голову морочат!

Лика. Моих стихов вы не читали — у меня такие неприятности вышли! Кто-то вспомнил, что я жена врага народа, то есть я была уже вдова, но тогда никто об этом не знал... Вот я прочту!

Мосье Николая. Надеюсь, там есть слова: «За Родину! За Сталина!»?

Федя (*трясется*). Вы! Вы! Разве вы понимаете, что такое — Родина?

Мосье Николая. Именно я и понимаю, ибо нашу Родину можно любить только издали.

Лика (*декламирует*). Тоска по родине — давно разоблаченная морока!

Изгой внезапно включает приемник на полную мощность, оглушая всех обрывками песен и передач на разных языках.

Ли ка (*затыкая уши*). Ну, можно это вынести?

Люба. У нас в лагере его б давно уже заткнули.

Федя. От такого тоже глисты завестись могут.

Дорогой. У нас взводный тоже считал, что вши от грязи заводятся.

Как потерянная входит Леля, наливает чай, но не пьет. Сидит, глядя прямо перед собой немигающими глазами. Приемник громко кричит по-французски.

Люба. Чего он там сообщает?

Мосье Николя (*переводит*). Во Франции сейчас в моде макси-юбки и шляпы с большими полями...

Ли ка (*декламирует*).

Как тальи носят?

Очень низко.

Почти-что вот до этих пор!

Приемник продолжает оглушительно кричать по-французски.

Люба (*встает и, не обращаясь к Изгою, выключает приемник. Идет к своему месту*). У нас в лагере одна такая была: тоже законы общежития не уважала. Раз платье постирала и на верхних нарах повесила, не отжавши. А на нижних нарах спала Маруська — татуированная блатнячка, королева барака. Ей ночью вода с платья на лицо натекла. Она своим свистнула — ох, они ту дуру расписали!

Мосье Николая (*смотрит в окно*). Господа, интереснейшая новость: нашу скромную обитель осчастливило своим посещением высокое начальство!

Федя. Начальство? Где?

Люба (*смотрит в окно*). Толик привез. Из правления, что ли?

Федя. Надеюсь, ревизия. Давно пора выяснить, куда они наше масло девают. А то все на маргарине.

Лика. Может, попросить, чтоб сахару добавили?

Дорогой. Не радуйтесь — от начальства всегда одни неприятности, это я вам говорю. Как бывший каторжник.

Федя. Мы должны жаловаться: ведь мы отдаем всю пенсию.

Люба. Нет, жаловаться опасно.

Лика (*декламирует*).

Храни нас пуще всех печалей

И барский гнев, и барская любовь!

Мосье Николая. Интересно все же, зачем пожаловало начальство в наше захолустье?

Входит Толик. В это время Изгой осторожно подбирается к чайнику.

Толик. Хлеб-соль, товарищи писатели!

Мосье Николая. Рады тебя видеть. Кого привез?

Толик. Начальничка.

Изгой пытается налить чай дрожащими руками, роняет

чашку и крышку от чайника.

Толик (*берет у него чайник*). Я помогу, Кирилл Юльевич.

Федя (*хватает Толика за рукав*). Мы ему не помогаем.

Толик. Ведь у него руки дрожат.

Наливает чай. Изгой спешит на свое место.

Люба. Чтоб другим пакостить, они у него не дрожат.

Лика. Он нас извел своим приемником. Просто жизни никакой нет ни днем, ни ночью.

Федя. Мы порвали с ним дипломатические отношения.

Мосье Николая. Исторгли, так сказать, из своей среды.

Толик. Суровые вы люди! А я сегодня стишки сочинил. Не откажетесь послушать?

Лика. Ну, Толик, ты же знаешь — мы с удовольствием.

Федя. А начальничек зачем приехал?

Лика. Федя, что за реализм? Поэзия прежде всего!

Толик (*становится в позу*). Дорожный романс! (*Поясняет.*) За рулем очень располагает к поэзии. (*Начинает читать*).

Гори, гори, моя лампада.

Моя вечерняя...

Изгой включает приемник на полную мощность. Поет детский хор: «О прошлом непросто поведать, но память не знает границ, и память о славных победах...»

Ли ка. Ты видишь, какой это человек! А ты чай ему наливал!

Толик (*обиженно Изгою*). Кирилл Юльевич, я же стихи читаю, что же вы?

Изгой (*крайне любезно*). Выключить? Я — с величайшей радостью, если меня по-человечески попросить. (*Выключает приемник.*)

Люба (*в пространство*). Нет, чтобы признать свою вину перед коллективом!

Мосье Николая. Я вижу, уроки прошлого не прошли для вас даром, милая Люба.

Дорогой (*неожиданно страстно*). Главный урок: не давать свою бороду в чужие руки! Это я вам говорю. Вот в моем деле трех следователей сменили, из них двух расстреляли, а я все равно ничего не подписал...

Ли ка. Ну, Дорогой, при чем тут вы? Мы ведь стихи слушать собирались...

Толик. Дорожный романс! (*Читает, завывая.*)

Гори, гори, моя лампада,

Моя вечерняя звезда,

Мне больше ничего не надо, —

Вчера я умер навсегда!

Теперь судьба моя не значит

Ни для меня, ни для кого:
Пусть надо мной вдова заплачет,
Мне это будет все равно!
Ну, как?.. (*Взволнован.*) Ничего стишки?

Все молчат. кто-то откашливается смущенно, чтоб не
рассмеяться.

Мосье Николая (*неопределенно*). Вполне. Чувст-
вительные.

Толик. Непроходимые, да?

Федя. Вот только рифма эта: для кого—все рав-
но... Не звучит...

Толик (*в упоении*). Рифма — ерунда! В стихах
главное, чтоб душа! А у меня «вдова заплачет»!
Конечно не напечатают, ведь да?

Лика. Ну, почему? Могут и напечатать... Всякое
бывает.

Толик (*гордо*). Нет, мои стихи — никогда!
Настоящие — всегда непроходимые.

Федя. А этот из правления, он что — с ревизией
прибыл, не знаешь?

Толик (*задет*). Далась вам ревизия! Человек,
может, поделиться пришел... А вы! Я к вам с
открытой душой, а вы — ревизия!

Леля. Самое трудное, чтоб тебя поняли,
улышались! Вот я вчера читаю Бодлера, а Мурзик
смотрит на меня и удивляется, отчего я плачу? И
тут мне открылось: да, между нами пропасть! Даже

между нами — такими близкими, такими любящими — пропасть! Непроходимая, бездонная!

Мосье Николая. Недаром народ (*кивает на Толика*) говорит, что настоящее всегда непроходимое.

Ли́ка. Хоть раз можно выпить чай без кошачьих сентиментов?

Федя (*паясничая*). И без кошачьих экскрементов?

Леля. У-у, какие вы все недобрые! Какие жестокие! А за что? Что вам сделал мой кот?

Федя (*паясничая*). Майн либер Кац!

Мосье Николая (*с гримасой*). О Боже, опять еврейский вопрос!

Толик (*с интересом*). Это что за кот — черный, что ли?

Леля. Ты знаешь его? Ты его видел?

Толик. Видел я вашего Ваську. Очень даже видел.

Леля (*цепляется за его рукав*). Где видел? Когда?

Толик. Я даже стихи о нем написал. Прочеть? (*Торжественно.*) Стихи о черном коте! Русский народ говорит: встретишь черного кота — быть беде! (*Читает.*)

Конечно, Васька б не серчал, когда б имел в виду: Беду другому обещал, а сам попал в беду!

Леля (*в панике*). Какая беда? Что с ним случилось?

Федя. Майн либер Кац!

Толик (*буднично*). А Ваську вашего я сегодня в Димитров завез.

Леля (*ахает*). В Димитров?!

Толик. По дороге, как за начальством ехал.

Федя. А что за начальство? Из правления?

Леля (*в отчаянии*). Зачем в Димитров? Это же далеко!

Толик. Затем и завез, что далеко.

Леля. Как же он вернется?

Толик (*искренно*). Разве завозят затем, чтоб возвращаться?

Леля (*осознавая*). Завез Мурзика? Зачем? За что?

Толик (*вдохновенно*). Ну и глаз у него! Как глянет — прямо дух захватывает! Ведь вроде кошка, а глаз человечесий. А как я его из машины высаживать стал, ух, он меня обматерил! Хорошо обматерил, душевно!

Леля (*хватает Толика за рукав*). Из машины? Куда из машины посадил?!

Толик. А прямо на дорогу...

Леля (*заходится*). Зачем на дорогу? За что? Что он вам сделал?

Толик. А я при чем? Мне директор приказал. Кошек в доме, говорит, держать — против правил. У нас, говорит, писательский дом, а не зоопарк.

Леля (*сквозь слезы*). Как он узнал? Ведь Мурзик из комнаты никогда... Только через форточку... в

коридор никогда... кому мешало... никогда...

Толик. Кому-то, значит, мешало, раз жалоба поступила.

Леля. От кого жалоба?

Дорогой. Донос, то есть?

Толик. Что проживает в писательском доме незаконная кошка. Против правил.

Люба. Кто пожаловался?

Толик. А я откуда знаю. Из вас кто-то.

Мосье Николая. Аноним?

Дорогой. Какой аноним? Просто доносчик, это я вам говорю.

Федя. Кто же это, интересно?

Леля. Все! Вы — все! Ненавидели! Все против него! Завидовали, потому что любовь! Сами — без любви, вот и завидовали! И выбросили на дорогу! *(Выбегает.)*

Федя. Вот, пожалуйста, оскорблять людей из-за кошки!

Лика *(Толику)*. Но ты, поэт, неужели не боишься, что черный кот отомстит?

Толик. У нас теперь двадцатый век и никаких предрассудков.

Мосье Николая. Вероятно, господин доносчик тоже без предрассудков. Это неприятно.

Федя. Доносчик с предрассудками приятней?

Люба. Доносчик необходим. Что за коллектив без доносчика?

Ли́ка. Но у нас, здесь — это ужасно!

Дорогой. Без доносчика не бывает — это я вам говорю.

Федя (*визгливо*). Мне не нравится, что кто-то следит за каждым моим шагом.

Мосье Николая. Что ж, постараемся выяснить, кто он?

Люба. Или она.

Федя. Или оно.

Ли́ка. А зачем? Вот я не хочу знать, не хочу! Ведь от него все равно никуда не денешься! Все равно с ним за одним столом сидеть.

Люба. Или с ней.

Дорогой (*мечтательно*). На фронте — другое дело! Вот мы старшину своего с моста сбросили.

Федя. Что значит — с моста?

Дорогой. С моста, значит с моста. Пару раз предупредили его, чтоб не был сукой, а потом сбросили.

Ли́ка. Так он утонул?

Дорогой. Не надо преувеличивать. Речка мелкая была. Только помялся. Но помялся вдоворо, это я вам говорю.

Федя. Что ж, теперь и мысли свои скрывать придется?

Ли́ка. Будто вы не привыкли мысли скрывать?

Федя (*визгливо*). Мне скрывать было нечего: я — русский дворянин и всегда был верен присяге!

Мосье Николая. Что еще за присяга?

Федя. Я три раза присягал: один раз государю-императору в 1914, второй — Временному правительству господина Керенского, а третий — Советам депутатов трудящихся. И всякий раз был верен присяге.

Мосье Николая. Ну, раз вы всегда верны, что вам доносчик?

Федя (*трясется*). Верность! Где вам понять, что такое верность?

Распахивается дверь, входит Леля. На ней старенькая шубка, на голову она напяливает старенькую шапку.

Леля (*Толику*). Поехали!

Толик (*оторопело*). Куда?

Леля. В Димитров, Мурзика искать!

Толик. Ну да, так он там сидит и ждет!

Леля. Конечно, ждет! Он знает, что я за ним приду!

Федя (*паясничая*). Майн либер Кац!

Лика. Виолантов, поэт, мой первый муж, тоже был Кац. Мы всего два месяца были женаты, когда бандиты убили его...

Леля (*тащит Толика*). Скорей! Нам надо успеть, пока с ним не случилось чего!

Толик (*вырывается*). Бросьте вы мыло варить. Никуда я не поеду!

Леля (*не верит*). Как не поедешь?

Толик. А так. Мне начальство скоро назад везти, а вы придумали — в Димитров!

Леля (*на последнем дыхании*). Так не поедешь?

Толик. Да ведь сказал уже.

Леля (*лихорадочно пытаюсь застегнуть пуговицы непослушными пальцами*). Хорошо, не надо! Пусть! Я сама... не надо! (*Со слезами.*) Я обойдусь... а вы все оставайтесь! Но не спешите радоваться! Я все равно его найду! Живого или мертвого! Найду! А вы оставайтесь! (*Идет к выходу.*)

Люба (*пытается удержать*). Стойте, куда вы?

Леля (*вырывается*). Пойду по шоссе! До Димитрова! Навстречу ему! (*Выходит.*)

Дорогой (*вскакивает*). Куда она! Это же тридцать километров! Ее нельзя пускать, она ведь ничего не видит!

Лика (*спокойно*). Садитесь, Дорогой, ничего с ней не случится.

Дорогой. Но она же почти слепая. Куда она?

Лика (*усаживает его почти насильно*). Я ее штучки знаю. Ей лишь бы шум поднять. Надеется, может, кто-нибудь внимание на нее обратит.

Люба (*вдруг*). Отчего вы так ее не любите, Лика?

Лика. Я? Ее? Что мне с ней делить?

Люба. Этого я не знаю, знаю только, что не любите. Может, вы про кота и донесли?

Лика. А что мне кот?

Мосье Николая. Кот как символ верной любви.

Лика. Что у меня в жизни любви не было? Просто все, кто меня любил, все погибли. Ни один не умер своей смертью. А любили меня многие. Вы знаете, какая я в молодости была?

Люба. То в молодости!

Лика. Да вы хоть у Феди спросите, он меня знал.

Люба. Не сомневаюсь, что знал. И не он один!

Мосье Николая. О, Люба, вы, оказывается, способны подняться до ревности! Несмотря на весь свой материализм?

Люба. При чем тут ревность? Просто не люблю доносчиков!

Изгой вдруг включает приемник на полную мощность. Из приемника: «... и весь народ в напряженном ритме созидания, во вдохновенном порыве вперед, вверх, к сияющим вершинам...»

Люба (*поднимается*) ...и вообще подонков!

Изгой быстро выключает приемник.

Лика (*навзрыд*). Дорогой, что же вы? Меня оскорбляют, а вы? Даже не вступитесь? Конечно, кому нужна одинокая старуха?

Дорогой (*взволнован*). Ну, Дорогая, ну зачем так? Не надо принимать близко к сердцу! Мало ли кто болтает? Стоит ли слушать. (*Любе.*) А вы, Люба,

как вам не стыдно? Вот так просто, ни за что, ни про что!

Лика (*громко*). Это она из ревности! Что Федя мне чай сегодня подал! Очень мне нужен ваш Федя! Да я, если б только захотела!

Люба (*еще громче*). И что, если б захотела? В могилу уже пора, а все еще невесть что о себе воображает.

Мосье Николя (*воздевая руки*). О, женщины! Федя. И все из-за какого-то паршивого кота!

Толик (*который с интересом наблюдал эту сцену*). Удивляюсь я на вас. Из-за кота шумите, а что человек в беду попасть может это вам без разницы.

Мосье Николя. Что за человек?

Толик. А из вас кто-то.

Федя. Кто?

Толик. А вот не знаю. Кто в церковь потихоньку ходит.

Лика (*звонящим голосом*). При чем тут церковь?

Толик. А при том, что советский писатель в церковь ходить не может — со званием несовместимо.

Люба. А мы при чем?

Толик. А этот, из правления, всю дорогу про церковь выспрашивал: кто из вас тут верующий, кто к службе ходит, кто свечи ставит. И вообще.

Напряженная тишина.

Федя. А ты — что?

Толик. А что я? Мне про это ничего не известно. Я все больше про искусство интересуюсь, а не про предрассудки.

Мосье Николая. Значит, ты ничего ему не сказал?

Толик. Я-то нет, да кто-то другой без меня полный отчет представил.

Ли́ка. О чем отчет?

Толик. Сами скоро услышите.

Федя. И что будет?

Толик. Сами знаете: выгонят кого-то. С довольствия спишут. Как в правилах сказано. Раз нельзя в Бога верить, значит нельзя. Со званием несовместимо.

Ли́ка. А кого?

Толик. А это вам виднее. Ну, мое дело было предупредить. А вы теперь сами разбирайтесь. Пойду-ка я на кухню, подрубаю перед дорогой. Сегодня что, опять треска? *(Никто не отвечает, Толик выходит.)*

Ли́ка *(в отчаянии)*. Что же это будет? Что будет?

Мосье Николая. Что это вы так взволновались, милая Ли́ка? Разве вы ходите в церковь?

Ли́ка. Я? Нет, конечно! Конечно, не хожу! С чего вы взяли?

Мосье Николая *(пожимая плечами)*. Вы так

разнервничались. Я и подумал...

Дорогой (*бросается на выручку*). А кто вас просит думать?

Мосье Николая. А потом... Или мне показалось, или я вас там видел.

Лика. Меня?

Федя. А вы-то сами что там делали, интересно?

Мосье Николая. Так, мимо проходил. Для моциона.

Люба. Хороший моцион в ваши годы — такой крюк!

Федя (*трясется*). Моцион! Знаем мы эти моционы! Прошое никак не забудете! Моцион в Париж, потом моцион из Парижа — и вот, пожалуйста, все не сидится спокойно! Все подсматриваете, подглядываете, все записываете и докладываете! Ничего не подделаешь — привычка!

Мосье Николая. О какой привычке вы говорите, не пойму.

Федя. Все вы понимаете отлично! Или думаете, нам неизвестно, что вас назад в Россию принесло? Отслужили свое и вернулись. На пенсию. А привычка осталась.

Мосье Николая. То есть, вы полагаете, это я донес на милую Лику?

Лика. Почему на меня? Я в церковь не хожу! Дорогой. И нечего зря говорить, когда не знаете!
Мосье Николая. Нет, все же уточним. Вы пола-

гаете, что я донес на Лику...

Ли́ка. При чем тут Ли́ка?

Мо́сье Нико́ля. ...или, может, на вас? Вы что, за себя боитесь?

Люба. Уж если кому бояться, так скорей вам. Мо́сье Нико́ля! Уж я точно знаю: вы в эту церковь не для моциона захаживаете.

Мо́сье Нико́ля. Откуда вам знать?

Люба. Да из-под вашей двери каждый вечер ладаном тянет.

Мо́сье Нико́ля. А раз вы знаете, да еще точно, значит вполне могли меня заложить. В лагере, небось, не раз к начальству с докладом ходили? Для спасения жизни, так сказать.

Федя. Это вы бросьте. Зачем ей на вас доклады вать?

Мо́сье Нико́ля. Да затем, что сколько иуду не корми, он все равно укусить норовит.

Люба (*грубо*). Это кто меня кормил? Уж не ты ли? Пайкой лагерной!

Дорогой. Да кто бы говорил! Ах ты, сволочь недорезанная! Попался бы ты мне в гражданскую войну, я б из твоей задницы белогвардейской котлету сделал!

Мо́сье Нико́ля (*в тон*). Не сомневаюсь! Такие, как вы с ней, изо всей России котлету сделать норовили!

Федя. Ну уж нет, мо́сье, выкуси! Она ни при чем!

«Первое апреля», Интер-Арт Театр, Нью-Йорк, 1975 г.

«Первое апреля», Ингер-Арт Театр, Нью-Йорк, 1975 г.

Она у меня крещена, как жене дворянина положено!

Мосье Николя. Ах, крещена! А как при этом ваша партийная совесть? Молчала?

Лика. Ну и что — пусть крещена! Все равно донести могла, это дела не меняет.

Дорогой. Нет ничего хуже выкреста, это я вам говорю!

Федя. Уж будто нет!

Лика. Да и вы, Федя, сами хороши. Про вас вель все знают.

Федя (*трясется*). Вот, пожалуйста, все! Знают они! Все знают!

Лика. Знают, знают! Даром, что ли, вы в редакторском кресле все эти годы удержались? При всех властях. Все про вас знают. Просто вслух не говорят.

Федя. Ну да, вслух не говорят! Герои! За спиной шепчутся!

Лика. Пусть не герои! Кто теперь герой! Конечно, шепчутся: вас боятся.

Федя. Вот, пожалуйста, меня, оказывается, боятся! А я и не знал!

Мосье Николя. Будто и не знал?

Лика. Ведь все знают, ваш единственный талант — доносы писать. А то кто б ваши стишки печатать стал!

Дорогой. И не посадили вас ни разу: ни в тридцать пятом, ни в тридцать седьмом, ни в сорок

четвертом, ни в сорок девятом. А порядочных людей всех сажали, это я вам говорю!

Федя (*визгливо*). Можно подумать, одних порядочных сажали! Вон Любку мою восемнадцать лет в тюрьме продержали, а что в ней было порядочного? Только и стала человеком, как за меня вышла.

Мосье Николая. Неужто брак с доносчиком так облагораживает?

Федя. С чего вы взяли, что это я донес? Разве я виноват, что меня ни разу не посадили? Разве у меня спрашивали, кого сажать, кого не сажать? А может, это на меня вовсе донесли? Да, да, на меня! И пока вы тут напраслину на меня взводите, может, там (*отчаянный жест*) судьба моя решается?! Может, сейчас войдут, за руки меня схватят...

Мосье Николая (*издевательски*). ...за белы руки!

Федя (*не слушая*). ...и выбросят на улицу! А куда я денусь? Куда пойду? Под забором подыхать?

Лика. У вас жена молодая. Она за вами присмотрит. А вот мне куда деться?

Федя. Молодая! А за ней, за молодой, кто присмотрит? Она все здоровье по лагерям да по тюрьмам растеряла. Или, думаете, ей легко пришлось?

Лика. А мне что, легче было? Сперва один погиб — бандиты его убили, потом другой — в тюрьме его расстреляли, а я его тринадцать лет ждала! И

ведь как ждала: без паспорта, без прописки, по чужим домам... За мной тоже охотились как за женой врага народа. Хоть я тогда уже вдова была...

Мосье Николя. Ладно, чего хвастать? Каждому несладко пришлось. У каждого жизнь позади...

Федя. Жизнь — она тоже разная, хоть и позади. Кто в Париже по ресторанам...

Дорогой. Кто в России по кабинетам...

Мосье Николя. Какая б ни была, а она позади. А впереди только общее кладбище в шахматном порядке — без креста, без молитвы, без покаяния!

Дорогой. Молитва — это глупость. Это я вам говорю!

Федя (*торжествует*). А-а, проговорился! Вот кто доносчик! Вот он, проговорился: молитва для него — глупость!

Дорогой. Ты, как говоришь, ты думай сперва! Ты, крыса тыловая, кабинетная, ты по себе не суди! Я — пятьдесят лет по фронтам да по тюрьмам! А ты...

Мосье Николя. Может, вы за эти пятьдесят лет награды ждете?

Дорогой. Я уже все награды получил! Восемь месяцев в камере смертников!

Федя. Что ж вас не расстреляли? Порядочных людей расстреливали!

Мосье Николя. За особые заслуги, очевидно. Все же он пятьдесят лет своими немытыми руками

Россию перекраивал...

Федя. ...и вылез из грязи в князи...

Дорогой (*истошно*). А вы где все это время были? По канавам прятались? А потом на готовое явились?

Лика. Постыдились бы! Будто сами святые, будто ничем и не попользовались!

Федя. Хоть и не святые, а веру в сердце сохранили.

Лика. Ах, в сердце? А в делах?

Федя. Не вам наши дела судить! Вы тоже хороши: все подольститься старались, красотой торговали...

Лика. Красотой, но не совестью!

Люба. Я говорила! Я говорила! Всем известно, как она поэтессой стала!

Лика. Что ж делать, если они, как хищники... каждый моей бедой попользоваться хотел. Каждый хотел свое получить. За любую строчку напечатанную такую цену платить приходилось!

Люба. Есть чем хвалиться!

Изгой включает приемник. Из приемника громко: «... и славная наша армия, упругая и обновленная, подобна тому богатырю, который всех одолеет, всех победит, перед которым сгинет черная сила!»

Лика (*затыкает уши*). Только этого не хватало!

Федя (*тычет пальцем в Изгоя*). Да ведь это он!

Мосье Николая. Конечно, он! Как мы сразу не догадались!

Люба. Злости, злости сколько! Лишь бы отомстить!

Приемник играет военный марш.

Лика. И теперь торжествует!

Дорогой. Такой на все способен, это я вам говорю!

Люба. Всему коллективу себя противопоставил.

Федя. Один — против всех! Тихой сапой расчитаться с нами хочет!

Люба. Ничего! *(Медленно поднимается и идет к Изгюю)*. Он еще об этом пожалеет! *(Заносит руку)*. Он еще поплачет!

Изгой пятится. Сзади все полукольцом окружают Любу, почти рыча, как стая волков. Люба смахивает приемник со стола. Грохот, треск, тишина.

Федя. Будет знать, как доносить!

Изгой *(дрожащим голосом)*. За что?

Входит Толик, утираясь после сытного обеда.

Толик. Ну как, обсудили?

Федя. А что, новости есть?

Толик. И что решили?

Мосье Николая. А они что решили?

Толик. Имею небольшое сообщение.

Лика. Ну! Что там?

Толик. Сейчас услышите.

Федя. Да не томи ты. Что там?

Изгой. За что?

Толик. А вот хочу сообщить вам, что сегодня первое апреля!

Люба. И что?

Толик. А вы и забыли? *(Доволен.)* А значит это шутка была!

Дорогой. При чем тут первое апреля?

Толик. А вы, значит, поверили! *(Смеется счастливо.)* А ведь это шутка была по случаю праздника! Первое апреля!

Все смотрят на него ошарашенные. Тишина.

Изгой *(прижимая к груди разбитый приемник)*.
За что?

Мосье Николая. То есть как — шутка?

Толик. Ну шутка на первое апреля, или не знаете? *(Наставительно.)* У русского народа есть обычай первого апреля развлекать друг друга вселой и живнерадостной шуткой.

Лика. Так ты пошутил?

Люба. Но начальство ты сегодня привез?

Федя. Из правления?

Толик. Так разве это начальство! Это культмассовый сектор из Райсобеса насчет плакатов и другой воспитательной работы среди писателей, ко-

торые пенсионного возраста!

Ли́ка (*все еще не верит*). Так это шутка была?

Люба. Ничего себе шуточка!

Дорогой. Прибауточка!

Мосье Николая. Уточка! Точка! Чка!

Федя. Че и Ка! ЧеКа! Шуточка из Чека!

Мосье Николая. Да за такие шутки расстреливать надо! Сразу — к стенке и конец!

Дорогой. Его еще расстреляют, это я вам говорю!

Федя. Нет, за это расстрелять мало! За это повесить — и то мало! В сортире утопить — и то мало!

Толик (*ошеломлен*). Вы что — всерьез? Я же с вами, как с людьми хотел, по случаю праздника! А вы... Эх!

Люба. Как с людьми? Еще чего! Да где ты их видел, людей?

Изгой (*рассматривая обломки приемника*). За что?

Федя (*Толику*). Уходи! С глаз прочь уходи! Шутник тоже нашелся!

Мосье Николая. Палач, а не шутник!

Толик. Я думал, вы посмеетесь, а вы... Только время с вами зря потерял! Ну вас к ... к этой самой маме! Тьфу! (*Быстро уходит.*)

Молчание.

Изгой. Зачем? За что? (*Плачет.*)

Лика. Что же такое случилось? Что мы наделали?

Мосье Николая. Господа!.. То есть, товарищи, я хотел сказать...

Федя. Брянский волк вам товарищ, как известно!

Мосье Николая. Мне кажется, мы тут увлеклись, так сказать, ситуацией и наговорили друг другу лишнего...

Федя (*паясничая*). Пе-рвое апреля!

Дорогой. Считается, будто девяносто процентов людей — сволочи, а я вам говорю, все сто. А среди нас даже больше. Это я вам говорю.

Мосье Николая. Так может, постараемся забыть этот печальный инцидент? Может, извинимся друг перед другом...

Федя (*паясничая*). ...а враг перед врагом — первое апреля!

Люба. Ну, извинимся, а дальше что?

Мосье Николая. Ну, и будем по-прежнему...

Федя (*паясничая*). ...лучшими друзьями — первое апреля!

Лика. Нет, нет, ничего уже не поможет! Ничего уже не может помочь! Раз каждый — сам доносчик и думает про другого, что он тоже доносчик... Как же после этого?

Федя. А так же, как до этого — первое апреля!

Лика. И так всегда! До конца жизни! И потом

тоже... После смерти... там, на кладбище. Рядком будем лежать и доносить друг на друга...

Федя. ... и враг на врага. Первое апреля!

Мосье Николая. Но ведь сегодня и впрямь первое апреля! И никто ни на кого не донес.

Федя (*паясничая*). Милые девочки, это была шутка!

Люба. На этот раз никто не донес.

Дорогой. Но некоторые могли — это я вам говорю!

Федя. Что значит — некоторые?

Лика. Все могли! Все! Все! Каждый мог! (*Сквозь слезы.*) Господи, что же делать? Как дальше жить? Как умереть? Как искупить? Как искупить позорно и жестоко Иудин грех до Страшного Суда?

Федя. Вы еще помните это, Лика? О Господи, разве и расточи!

Мосье Николая. Пошли нам огонь, проказу и мечи!

Федя. Нет, не так: пошли нам мор, проказу и мечи!

Мосье Николая. Нет, вы ошибаетесь: огонь, проказу и мечи!

Лика. О Господи, разве и расточи! Пошли нам огонь, проказу и мечи!

Мосье Николая. Германцев с Запада, монгол с Востока...

Где-то за сценой словно возникает музыка, объединяющая все

слова.

Дорогой. Что это? Что вы говорите?

Лика (*в ее глазах слезы, но уже не отчаяния, а умиления*). Это стихи Волошина! Макса Волошина — неужто не знаете?

Мосье Николая. Не знаете стихов Волошина?

Лика. Милый Максик! Он немного ухаживал за мной, но тут я встретила Виолантова, он тоже был поэт, но я не знала, что его настоящая фамилия Кац...

Федя. Посмотрите, вот человек, который не знает стихов Волошина!

Дорогой. Не слышал никогда.

Лика. Бедный Дорогой: как же вы живете? Но мы спасем вас — мы вам почитаем, да? Сейчас вспомним и почитаем! (*Дрожит от возбуждения.*) А то ведь совсем человеком быть перестаешь! Кто первую строку помнит?

Мосье Николая. Одну минуточку, сейчас вспомню!

Федя. Может ты, Люба? У тебя память посвежее.

Люба. Кажется так: С Россией кончено!

Мосье Николая и Лика (*почти бевввучно. вслед*)...С Россией кончено!

Люба. Ее на¹последях давно мы прокутили, проболтали...

Федя. ...давно мы прокутили, проболтали...

Лика. С Россией кончено: ее на последях
Давно мы прокутили, проболтали...

Я помню Максика в те дни! Это было в последний день эвакуации, когда наши... ну, в общем, когда армия уходила в Константинополь...

Мосье Николая. Как же, до последнего часа этих дней не забуду!

Федя. Когда перевернули последнюю страницу!

Дорогой. Горячее было время — это я вам говорю!

Лика. ...и Максик должен был отплыть со всеми вместе. На рассвете все закончилось, на улицах еще тихо, все сидят, двери заперли, головы высунуть боятся, вдруг: стук в дверь! Открываю — он, Максик! «Лика, — говорит, — у вас перекусить чего-нибудь найдется?» А я ему: «Вы почему здесь, а не на корабле?» А он поцеловал меня: «Не смог, — говорит, не смог! Своими глазами все до конца хочу увидеть!» И заплакал: «С Россией кончено!»

Мосье Николая. ...ее на последях
давно мы прокутили, проболтали,
пролузгали, пропили, проплевали...

Господи, что же дальше?

Федя. Что там дальше? Ну, Люба!

Люба. Что-то такое — на «ах» кончается... забыла...

Все смотрят друг на друга, шевеля губами и повторяя отдельные слова — пытаются вспомнить.

Изгой (*вдруг*).

...Пролузгали, пропили, проплевали.

Измызгали на грязных площадях!

(*При последних словах поднимается и идет ко всем.*)

Ли ка. Спасибо, Кирилл. Теперь можно сначала.

Лю ба подвигает Из гою стул, он садится рядом с ней.

Изгой. С Россией кончено!

Ли ка (*читает громко, остальные почти беззвучно, как шелестом ветра, повторяют за ней.*)

С Россией кончено! Ее на последях

Давно мы прокутили, проболтали,

Пролузгали, пропили, проплевали,

Измызгали на грязных площадях.

О Господи! Развей и расточи!

Пошли нам огонь, проказу и мечи,

Германцев с Запада, монгол с Востока,

Чтоб сей народ исчез бы без следа,

Чтоб искупить позорно и жестоко

Иудин грех до Страшного Суда!

Изгой (*один*). Чтоб искупить позорно и жестоко!

Ли ка. С Россией кончено, и Максик умер. И все, кого я любила, умерли, и все, кто меня любил, умерли, и я тоже скоро умру, а стихи останутся!

Дорогой. Иудин грех тоже останется — это я вам говорю!

Федя (*вконец подобревший*). Хватит каркать! Это все — первое апреля!

Дорогой. И кот — первое апреля? Про ката ведь все равно кто-то донес, это я вам говорю.

Лика. Бог с ним, с котом. Почитаем стихи! Давно мы не читали!

Мосье Николая. Что кот? Кот не человек — найдется!

Люба. Или она другого заведет, еще лучшего!

Лика (*декламирует*).

Шел я по улице незнакомой,
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы, —
Передо мной летел трамвай.
Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен.
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

В дверь просовывается незнакомая мужская Голова в шапке.

Голова. Граждане, там не вашу старуху на шоссе подобрали?

Люба (*испуганно*). Какую старуху?

Голова. А вашу, говорят. В серой шубейке. У вас старуха пропадала?

Лика (*ахает*). Леля!

Голова. Что ж вы ее, старую, в такую скользь на шоссе одну пустили?

Мосье Николая. А что с ней?

Голова. Да упала старушонка, и лежит — не дышит.

Люба. Насмерть?

Голова. Похоже, померла. Не дышит. Кто из вас тут ходячий — идите, гляньте, ваша или не ваша. Сперва опознать ее велено, а потом уже в морг везти.

Все, кроме Лики, гурьбой идут к дверям.

Мосье Николая. Какая нелепая смерть!

Дорогой. А вы говорили — кот!

Изгой. А кот вернется, что с котом делать будем?

Все выходят. Только Лика сидит у стола, что-то шепча непослушными губами.

Лика (*сквозь рыдание*).

О Господи, развей и расточи.

Пошли нам огонь, проказу и мечи.

Германцев с Запада, монгол с Востока...

Занавес

ПОБЕДИТЕЛИ

И властвуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле.

Книга Бытия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Никитич — лет под 60, из начальства,
одет солидно.

Микола — лет под 50, шофер такси, сует-
лив.

Леха — лет под 30, водитель бульдозера,
мрачен.

Действие происходит в начале семидесятых годов XX века.

Поляна на берегу искусственного пруда в глубине подмосковного леса. Глубокая осень, небо стального цвета нависло над лесом. Холодно.

Микола (*резко открывая карты*). Эх, нужны стране герои, где их взять, когда одни чудачки родятся! (*Бросает карты*.)

Никитич. Вышел, едрена вошь? А я рубль ставлю! (*Бросает рубль*.)

Микола. Опять темнишь? Ну, Леха, держись!

Леха (*Миколу*). Хочешь в долю? Ставлю полтинник. (*Смотрит в карты*.)

Микола. Выходит, пополам? Добавляю!

Кладут деньги.

Никитич. Значит, уравнили?

Леха (*Миколу*). Ты б хоть карту глянул.

Микола. Я человек рискованный, люблю судьбу испытывать.

Леха. Судьба — это пасть щуки!

Никитич. От едрена вошь! (*Смеется*.)

Микола. Я говорил: Леха скажет — только держись! А все потому, что образование!

Никитич. Ну, открываем? (*Открывает карты*.)

Есть такая партия!

Микола. Эх, нужны стране герои, да где их взять! *(Выбивает карты из рук Лехи.)* Опять твоя. Никитич! Везет тебе сегодня! *(Разливает водку по стаканам.)* А ну, Леха, скажи!

Леха *(берет стакан)*. Удача — это вентилятор!

Никитич смеется, пьет.

Микола. Видал, как он — сразу в точку! А ну, Леха, еще!

Леха. Ожог поцелуя — это искра блаженства!

Никитич смеется.

Микола. Искра блаженства — ведь это надо же! А ну еще!

Леха. Любовь — это неудержимое половодье чувств!

Никитич. А я уже перешел тот возраст, чтобы блядовать! Немного, конечно, еще прельщает, едрена вошь, но все больше интересуюсь насчет кормежки, или там по хозяйству чего сделать...

Микола. Это потому что бабы теперь — тьфу! Гулящие теперь бабы, это я точно знаю, недаром в такси работаю. Все бабы бляди, кроме наших матерей! Гулять гуляют, а душевности никакой.

Леха. Слить уста — это не значит слить судьбы.

Микола. Но вот в прошлом году у меня на курорте случай вышел, всем случаям случай! Встретил

я там одну — ничего особенного вроде: и лет ей сорок пять, и с лица не красавица, но грудь, как у девки, и образование высшее. Четыре языка знает, есть об чем поговорить. Я, правда, ни одного языка не знаю, но она четыре знает и есть об чем поговорить...

Никитич. А меня и поговорить уже не тянет. Раньше тянуло, едрена вошь, а теперь нет...

Микола. Спортом надо заняться, физзарядкой. Это ж закон такой: в одном месте потеряешь, в другом найдешь. А ну, Леха, скажи!

Леха. Никогда не иметь — это лучше, чем потерять. Потерять — это лучше, чем никогда не иметь!

Микола (*в восторге*). Вот у нас Леха какой! Мы с ним — пара сапогов на одну ногу: у него образование, у меня ум природный. Вот он меня и общает. Ну, Никитич, еще кон?

Никитич. Не возражаю, едрена вошь.

Микола. А ты, Леха, пока я слам, сходи удочки проверь: может, уже поймалась наша золотая рыбка. (*Леха идет, Микола сдает карты.*) Сейчас мы эту рыбку на сковородку в масле — пускай попляшет!

Леха (*возвращается*). Не клюет.

Микола. Что значит, не клюет? Быть такого не может: всегда клевала, а сегодня не клюет! Мы сюда ради нее большого человека, можно сказать, привезли, а она не клюет! Эх, нужны стране герои, да где

их взять!

Никитич (*берет карты*). Полтинник. Видать, так и уедем, едрена вошь, не попробуем твоей золотой рыбки.

Микола. Ты что? Раз я сказал: будет рыбка, значит — закон! Вот сейчас выпьем, согреемся, кон доиграем, глянь, а она уже там! На крючке! Только главное — выпить! (*Наливает.*) Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать! Ставлю рубль! Что-то ноги стали зябнуть, не пора ли нам дерябнуть!

Все пьют.

Леха (*смотрит в карты*). Жизнь — это противоречие борьбы противоречий! (*Бросает карты.*)

Никитич. Ты, значит, мимо, едрена вошь? А я уравнил. (*Бросает рубль.*) Открываем.

Микола. Эх, нужны стране герои, да одни чудаки рождаются! Опять твоя! (*Бросает карты.*)

Леха (*тянется к картам*). У тебя что было? Покажи!

Микола. А тебе зачем?

Леха. Любопытство — это скользящий луч прожектора. (*Открывает карты.*) Так у вас же поровну, чего ж ты? Надо играть свару.

Микола. Раз поровну, я должен уступить как хозяин. Ведь Никитич — мой гость или нет? И боль-

шой человек к тому же.

Леха. Пусть он по службе начальник, а ты простой таксист, в духовном мире вы равны, оба — инженеры человеческих душ.

Никитич. Верно, едрена вошь, в игре справедливость — первое дело! Играем свару.

Микола. Свару, так свару, я что? Я не против. Справедливость в человеке — это главное. *(Наливает водку.)* Вот я по роду своей работы много встречаюсь с разными людьми, и вошло у меня в привычку изучать окружающий мир.

Пьют.

Леха. Справедливість — это русло нравственности.

Микола. ...люди встречаются разные: и грешники, и святые...

Никитич. Нет таких, чтоб не грешили. Все грешники, едрена вошь, хоть и святые...

Микола *(в лирическом трансе)*. ...еду я, бывает, по улицам ночного города и обращаю внимание на освещенные окна домов, а в них мелькают бытовые кадры из жизни других людей...

Леха. Судьба — это обстоятельства. *(Бросает деньги.)* Даю полтинник. Уравниваем?

Никитич. Уравниваем. *(Бросает деньги.)*

Микола. А я удвою, мне не жалко. *(Бросает рубль.)* Эх, нужны стране герои, да где их взять?

Никитич (*открыв карты*). Есть такая партия!
Микола (*открывает карты*). Опять твоя, Никитич! За это выпить надо. (*Наливает водку.*)

Пьют.

Мы, значит, все на транспорте работаем... И транспорту надо уделять особое внимание... А ну, Леха!

Леха. Наша жизнь — это движение, прервав которое, обрываешь нить жизни.

Никитич. Да, транспорт — великое дело. Вот я на транспорте с сорок шестого служил. Мы тогда эзков на Воркуту возили. И что бы мы без транспорта? (*Плюет.*) Во! Плюнь и разотри! Вель сколько народу было: одних ингушей не счесть, и разных других чучмеков. А потом, к сорок девятому жиды пошли — ох, вредное семя, едрена вошь!

Микола. Я и говорю, без транспорта никак! А значит, нужна мне исправная тачка, раз я на транспорте. Сколько мне еще на этом драндулете Москву позорить? Ты ведь, Никитич, большой человек — ты понять должен! На транспорте без исправной тачки не жизнь! А ну, Леха, скажи!

Леха. Жизнь — это мать мира и отец источников!

Микола. В самую точку! Иди теперь проверь удочки: как там наша рыбка. (*Леха уходит.*) Ведь если мне хорошую машину, я королем буду. И

тебя уважу, не сомневайся. А что толку в этой старой рухляди? Тому в лапу дай — тормоза прокачать, этому в лапу дай — бампер заварить, а на руках что остается? Шиш! А без денег ты никто. Допустим, тебя не казнят сегодня, допустим, только завтра, но если в кармане пусто, так закон допускает к тебе беззаконство. А раз так — лучше в попы идти, чем в транспорт!

Никитич. Нет, едрена вошь, в попы тебе нельзя, это точно! Чтоб попом стать, надо семинарию закончить!

Микола. А что есть поп? Это я тебе скажу сразу: поп должен иметь бороду — это раз, и не жениться ни на какой другой жене — это два. И все, больше ничего ему не надо.

Никитич. А я тебе еще скажу, едрена вошь: главное — поп должен быть партийный!

Микола. Ну и что? Разве я не могу стать партийный? Я это право в огне боев заслужил. У меня три ранения и мемориальная доска на стене дома в городе-герое Севастополе. Так скажи, заслужил я или нет?

Никитич. В огне боев — конечно. Но вот водки пьешь много.

Микола. А что водка? Водка — вещь законная, она в магазинах продается. *(Наливает.)* Вот ты, разве ты не пьешь?

Пьют.

Ну, допустим, я сегодня выпивши, так уже не человек, да? Уже меня можно за шиворот?

Входит Л е х а, подсаживается к ним, пьет.

Никитич. Разве б я ее, проклятую, в рот брал, если бы не биография? Одна биография во всем виновата, а то б я ни за что, едрена вошь! Ты вот, к примеру, на Воркуте не служил, а говоришь! Там без водки — нельзя! Всю зиму темно — ночь, — понимаешь! Все ночь и ночь, свету белого не видать, едрена вошь, а вокруг одни зэки. А зэки, разве они люди? Волки они, едрена вошь! А из-за них сидеть там приходится, сторожить, а вокруг все снег, едрена вошь, снег, снег! И трава не растет! И баб никаких, даже блядей, не то что девок!..

Л е х а. Девственность — это щит запрета, сломав который...

Микола. Ну и что, пусть я выпивши, так меня, значит, за шиворот? Так я уже не человек, значит? Значит, я уже лишний, выходит? Меня, выходит, уже можно метелить, брить-стричь и на пятнадцать суток? А потом что?

Л е х а. Потом — это возможное никогда!

Никитич. А то как засветит в небе — хуже пожара — сияние, едрена вошь, называется. Так и полыхает: и красным, и синим, и черт-те каким, едрена вошь! Ну, думаешь — все: кранты; конец света! И зэки все бесноватые становятся, как волки воют —

тут только держись! Как не выпить, когда, может, последний день живешь?

Микола. Почему это я не человек, если выпивши? Ведь я в войну, может, героем был! Может, мое имя в городе-герое Севастополе на мемориальной доске на стене вырублено! А что не погиб, так разве я виноват? Вполне мог погибнуть! Меня сам адмирал, может, уважал за храбрость!

Никитич. А в пятидесятом на повышение пошел, так, думаешь, легче стало? Все равно, биография! Хоть в Москву-столицу перевели, а биография трудная! В личную охрану к самому — к Самому, понимаешь, едрена вошь? Меня зачислили, потому что рост у меня оказался подходящий, ну и лицо тоже. И анкета, конечно...

Леха. Человек — это не раб судьбы, а ее повелитель.

Микола. Вызывает меня адмирал: садитесь, пожалуйста, а ля фуршет! Кофию предлагает, с ромом конечно, и говорит: «Хотим, мол, тебя в Норвегию с немецким паспортом забросить. Ты как?»

Никитич. Ну, раз анкета подходящая и рост тоже, едрена вошь, — значит все! Взяли к Самому в личную охрану. Он не в Кремле тогда уже жил, а на даче за Москва-рекой, знаешь? Ты думаешь, небось: раз в личной охране у Самого, так это вроде курорт? Так нет, едрена вошь! Это полные сутки без движения лежи, хоть снег, хоть дождь. А что воспа-

ление легких, так это всем плевать. Как же тут без пол-литры?

Микола. Я, конечно, немецкого не знаю, но адмирал меня все равно уважал за героизм и хотел меня в Норвегию забросить как героя. А я ни в какую.

Никитич. Или на параде, к примеру. Сам на мавзолее стоит, едрена вошь, а мы внизу на площади охраняем, хоть снег, хоть дождь. Ну, народ марширует, крик до небес. *(Кричит.)* «Советским артиллеристам слава! Ур-ра!».

Леха. Ур-ра!

Микола. Не хочу, говорю, в вашу Норвегию, ну ее к хренам...

Никитич. Или «Советским женщинам слава! Ур-ра!»

Леха. Ур-ра!

Микола *(перебивая)*. Адмирал так рот и открыл: «Как, значит, не хочешь?»

Никитич *(перебивая)*. А еще грибы он собирать любил. Сам, своими руками. И очень бывал недоволен, если находил мало...

Леха. Ур-ра!

Микола *(одновременно с Никитичем)*. А так, говорю, обрыдло мне все! Вот где *(тычет под горло)* у меня ваша Норвегия и Голландия, и Херляндия...

Никитич *(одновременно с Миколой)*. Так мы перед ним в траве ползли по-пластунски, хоть в

дождь, хоть в снег, и грибы в землю по пути втыкали...

Леха (*вдруг орет*). А ну, говори по-одному!

Никитич и Никола смолкают.

Никола. Ты чего?

Леха. Обязанность — это долг рабства.

Никитич. Ну, будем рыбку золотую жарить, едрена вошь!

Леха. А где она, рыбка?

Никола. Разве ты не принес?

Леха. Удача — это не дар судьбы, а свершение желаемого.

Никитич. А рыбка где, едрена вошь?

Леха. А рыбка в море! Лишь хвостом по воле плеснула...

Никола (*заводится*). Как так хлестнула? Я ей хлестну! Я ради нее большого человека сюда привез — для него любая рыбка, хоть простая, хоть золотая, сама на сковородку скакать должна, а она — в море!

Никитич. Да разве это море? Вот Белое море — это да! На сто километров лед! На тыщу километров лед! На десять тыщ километров лед! А это что? Пруд вонючий, едрена вошь! А нахваливал! Завез невесть в какую даль на бульдозере! Ты б меня на Сег-озере так завез, едрена вошь, я б тебя в карцере сгноил! Там бы ты со мной такого не позволил,

а тут, в Москве, храбрые вы больно! Думаешь, конечный я человек? Ничего, придет еще мое время! Ишь, чего захотел — тачку новую! Да на хрена тебе тачка, едрена вошь, если ты рыбку поймать и то не можешь!

Микола (*кричит*). Леха! Раздевайся, живо! Лезь в воду, рыбку ловить будем! Голыми руками ее, суку, возьмем! Что мне рыбка? Я живого языка голыми руками брал! Этими вот руками! Так что, Никитич, не сомневайся, рыбка будет! Живо, Леха!

Леха. Незачем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача.

Микола. Скидывай портки, живо!

Никитич, Зачем скидывать? У меня на Белом море зэки в портках в воду лезли, если я прикажу. А там разве вода? Там лед один, едрена вошь.

Микола (*в сильном возбуждении*). В портках, так в портках! А ну, давай, Леха! Пусть знаст наших!

Леха (*подходит к краю пруда*). Гении не имеют времени на педикюры! (*Прыгает и взывает от холода.*) О-о-о! Холодина!

Никитич. А ты чего? Ты тоже давай, прыгай!

Микола (*бежит по берегу и кричит, размахивая руками*). Тяни ее, Леха, не жалеи! За жабры ее, суку, и на сковородку! (*Никитичу.*) Леха у нас парень мировой! Он и без меня эту падлу золотую на берег вытянет! У меня в разведотряде кореш такой же

был. Орел! Голыми руками языка брал, а на привале следил, чтобы я во сне в костер не падал. Потому что верный друг! До гробовой доски!

Из пруда молча выползает мокрый Лех а.

Ну, где она? Давай ее сюда!

Лех а, не отвечая, наливает полный стакан, пьет.

Ты чего, Леха? А где ж рыбка?

Лех а. На дно легла. Обиделась.

Микола. А чего ей обижаться? Что мы ей сделали?

Лех а. А что выпивши мы. Вот она и обиделась. *(Погружается в мрачную задумчивость.)*

Никитич. Ну зачем тебе исправная тачка. едрена вошь?

Микола *(вне себя)*. Но я все равно ее добуду, падлу эту! Не посмотрю, что золотая! Хоть со дна, а добуду! *(Снимает куртку.)* На дно за ней нырну! Сейчас нырну, выпью только для согреву! *(Пьет из горлышка, косится на дрожащего от холода Леху.)* Выпью, значит, и к ней! *(Видно, что ему не хочется лезть в воду.)* До самого дна доберусь, а найду ее, падлу! Или лучше так: плотину эту сейчас к хренам сломаем, воду с пруда спустим, и вот тебе, пожалуйста, рыбка золотая! Лежит на дне, как на ладошке, перед тобой: адью, мамзель, на сковородку!

Никитич. Это кто ж тебе плотину ломать поз-

волит?

Микола. А разве я земли своей не хозяин? Я кто? Я — рабочий класс, гегемон! Все тут мне принадлежит: хочу ломаю, хочу строю! Тем более, в огне боев заслужил! Или нет?

Никитич. Гегемон, конечно, едрена вошь, но и мнение начальства тоже уважать должен.

Микола. Мнение — это конечно! Но ты ж не против? Ведь она, падла эта, что она? Она, вишь, на дно улеглась, она нам доказывает. Но мы тоже доказать можем. Чтоб знала, кто здесь хозяин!

Никитич. Вот и у меня случай на Воркуте вышел, Я тогда ответственным за лесосклад был, а учетчиком при мне зэк один служил, из жидов...

Микола. Потому что, если я не хозяин, то какой же я тогда гегемон? А ну, Леха, скажи!

Леха вдруг разражается рыданиями.

Никитич. Глазастый такой жидок, знаешь, какие они бывают? Уши врозь, но грамотный, едрена вошь!

Леха (*сквозь рыдания*). Ведь обиделась она, давно обиделась, но молчит! Но я на нее не обижаюсь, потому что разве со мной жизнь?

Микола. А кто гегемон, тот, значит, всегда начальство уважает. А я, тем более, в огне боев заслужил!

Леха (*плача*). Ведь я как в дом вхожу, так мне и

жалко ее. Разве у ней со мной жизнь? Я же каждый день пьяный...

Никитич. И вот пригоняют раз состав из Москвы: сто вагонов от автозавода, под лес. И жидок мой с бумагами ко мне: «Путевой листок. — говорит. — подпишите!». Это чтоб грузить лес, едрена вошь...

Леха. Конечно, я каждый день пьяный, а я как пьяный, я психовый. Но я на нее не обижаюсь, хоть она и не девка была, как за меня выходила...

Микола. ...у меня, может, три ранения и мемориальная доска на стене дома в городе-герое Севастополе...

Никитич. «Когда погрузку начинать?» — спрашивает, едрена вошь, а сам глазками так и сверкает, думает: ему за хорошую работу зачет сделают, год за три спишут. А я думаю: «Нет, брат-жидок, шалишь! Не снять тебе, едрена вошь, с этого дела навар!»

Микола. А раз так, значит, я — гегемон, и слово мое последнее. Иди, Леха, долбани разок плотину с бульдозера, чтоб знала она, кто здесь хозяин!

Леха (*утирая слезы*). Я ведь каждый день пьяный, ломаю все, крушу, по-скотски, а она молчит. Но я на нее не обижаюсь. Я себя на ее место ставлю: ну что у ней со мной за жизнь?

Микола. Не идешь, значит? Ну и ладно, я сам могу: я по любой машине грамотный, шофер пер-

вого класса! *(Идет к бульдозеру.)*

Никитич. У меня тогда запой был, а тут еще сияние это, едрена вошь...

Бульдозер с грохотом трогается с места.

Смотрю я на него, листок путевой из руки беру и говорю: «Не грузи!» А он молчит, только глазами моргает, а что он может? Он же зэк, хоть и грамотный, едрена вошь!

Бульдозер уезжает за сцену.

И пошли сто вагончиков в Москву порожняком: их задерживать нельзя, у них на железной дороге расписание!

Слышно, как за сценой натужно ревет мотор бульдозера, затем — удар.

Леха *(в интервалах между ревом и ударами)*. А ведь мог бы и не пить! Но пью. И всю получку пропиваю. А если б не пил, много ли мне надо? Рубль в день на обед, да блок сигарет на месяц. И все, и больше ничего мне не надо.

Никитич *(в интервалах)*. Ушли, значит, вагончики, а назавтра узнаю, что жидок мой к заместителю бегал, у него путевой листок подписать норovil, едрена вошь! Старательный, вишь, нашелся: забыл, едрена вошь, кто я, а кто он! Ну, думаю, ладно, ты у меня попрыгаешь! И точно. Назавтра опять

сто вагонов из Москвы пригоняют, под лес, и опять он ко мне с листком...

Леха. Другие, может, по 300 рублей домой приносят, а я все пропиваю. А мог бы все ей отдавать, жена все-таки, хоть она и не девка была, да чего поминать? Десять лет уже прошло... А она все молчит, но я на нее не обижаюсь...

Никитич. А сияние это, едрена вошь, всю душу из тебя вынимает! Так я даже в его сторону и не глянул, листок со стола смахнул и опять: «Не грузи!». Он прямо чуть не заплакал, заморгал и пошел. А вагончики опять порожняком в Москву покатались.

Леха. Нет, не обижаюсь я на нее: что я, не человек, что ли? Я все понимаю, хоть я каждый день пьяный. А я, когда пьяный, я психовый, но я на нее не обижаюсь...

Рев бульдозера и удары смолкают.

Микола (*за сценой*). А ну, Никитич, глянь, течь там есть?

Никитич. И так, едрена вошь, я жидка своего еще три дня на место ставил, чтоб понятие имел. Ведь без моей подписи ничего грузить он не мог. Кто он, едрена вошь? Зэк и зэк, хоть и уши врозь. А я материально ответственный: хочу, целую неделю порожняком вагоны гнать могу! И теперь еще кой-чего могу. Не думай, придет еще мое время, едрена вошь!

Микола (*орет за сценой*). Никитич! Леха!

Гляньте, как там плотина?

Никитич (*не понимая*). Чего?

Микола (*за сценой*). Как плотина? Дала течь или нет?

Никитич (*подходит к берегу*). Не видно пока, едрена вошь!

Опять рев бульдозера и удары.

Никитич (*с возрастающим интересом следит за работой Миколы*). Не туда, не туда лупишь, едрена вошь! Правей бей! Еще правей! Ты что, едрена вошь, право от лево отличить не умсешь? А ну вдарь!

Удар.

Откати! Еще, еще откати, не дрейфь! Так, хорош!

Слышен рев мотора.

Теперь по команде: давай, едрена вошь!

Микола (*поет за сценой, хрипло*). «Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано!..»

Никитич. Чего орешь? Откатывай!

Рев мотора.

Готов? По команде, по цели прямой наводкой — огонь!

Удар.

Опять промазал, едрена вошь!

Микола (*поет за сценой — пение его больше похоже на истошный крик*). «Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано...»

Никитич. Откатывай, время не трать!

Рев мотора.

Правей, правей, чего боишься, ниже земли не упадешь! Готов? По команде прямой наводкой — огонь!

Улар.

Не, едрена вошь, слезай! Нет у тебя прицела. (*Идет к Лехе, который все это время ничком лежал на земле, и трясет его за плечо.*) Вставай, парень, тебя Родина требует!

Леха (*приподнимается*). Раскаяние — это мука памяти, но я не обижаюсь.

Никитич (*командирским рыком*). Встать! Смирно! И за руль!

Появляется Микола. Никитич держит Леху за шиворот, чтоб не упал.

Микола (*поет*). «Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано»...

Никитич (*Миколу, не выпуская Леху.*) Не служил, едрена вошь?

Микола. Поди ее пробей, она бетонная, сука, ее на века строили.

Никитич (*орет*). Нет таких крепостей, едрена вошь! Вставай, Леха, принимай штурвал!

Леха (*невнятно*). Жизнь равнодушна к людям, но я на нее не обижаюсь! (*Падает ничком в траву.*)

Микола (*поднимает Леху*). Леха, ты друг или не друг? вспомни, как я за тебя в разведку ходил... чтоб тебе, значит, счастливое детство... А ты?

Никитич. Давай, принимай штурвал! Родина зовет!

Леха с трудом поднимается на ноги.

Никитич (*поет*). «Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано»...

Леха (*бредет к бульдозеру*). Чем ближе к идейной цели, тем дальше от личного счастья.

Микола (*подталкивая Леху*). Эх, нужны стране герои, да где их взять!

Леха уходит, через минуту слышен рев бульдозера.

Микола и Никитич комментируют работу Лехи.

Никитич. Главное, едрена вошь, с разбегу ее долбануть.

Микола (*суется вокруг Никитича*). Леха, слушай команду! По команде — вперед! За Родину! На врага!

Рев мотора.

Никитич. Заводи руль! Заводи полевей, и с ходу

— удар!

Удар.

Микола (*в упоении*). «Сделать нам, друзья, предстоит!..»

Никитич. Откатывай! (*Рев мотора.*) Подальше, подальше, не дрейфь, не упадешь! Левей! Еще левей! Хорош! Давай, едрена вошь!

Удар.

Микола. Еще больше, чем сделано!..

Никитич (*все больше возбуждась*). Хорош! Молодчик! Хвалю! Вон трещина показалась. А ну еще откатывай!

Рев мотора.

Микола. Эх, дубинушка, ухнем! Еще больше, чем сделано!

Никитич. Левее, едрена вошь! Прицел точней! Заводи руль, заводи не дрейфь! Удар!
Удар!

Удар.

Микола (*в исступлении*). Поддалась! Вон трещина какая! А ну, еще разок!

Никитич. Посильнее разгонись! Руль круче выворачивай, едрена вошь!

Рев мотора.

Готов! Ну, с ходу — на врага! Удар! Покатило!

Удар.

Микола (*приплясывает*). Советским бульдозеристам слава! Ур-р-р-а-а!

Рев мотора.

Никитич. Стой, стой, ты куда? Куда с поля боя? Не дрейфь, не затонешь! Еще пару раз долбани ее, едрена вошь, чтоб до конца!

Микола. Советским танкистам слава! Ур р а а!

Никитич. Приготовься! По цели — а-а-гонь!

Удар.

Микола (*вне себя*). Советским танкистам слава!.. Ур-р-р-а-а!

Никитич. Откатывай, откатывай! Руль круче выворачивай, не дрейфь!

Рев мотора.

По цели из всех орудий — огонь!

Удар.

Микола. Советским артиллеристам слава! Урр-р-а-а!

Рев смолкает, слышен шум падающей воды.

Никитич. Слышал, как вода шумит? (*Самодовольно.*) Стихия!

Микола. Ура! Наша взяла! Пробили, пробили
целку. Советским женщинам слава! Ур-р-р-а-а!

Никитич. Шумит стихия! Молодцы мы, Мико-
ла! Настоящие богатыри! Будет тебе исправная тач-
ка! Человек человеку друг! Товарищ! И брат!

На поляну медленно почти бесшумно въезжает бульдозер.

Микола *(на пределе восторга)*. Орлы мы,
Никитич! Герои! Вот мы кто! И снег, и ветер, и
звезд ночной полет! Орлы! И давай поцелуемся! В
тревожную даль зовет!

Микола и Никитич обнимаются. Леха медленно сходит с
бульдозера и бредет к ним. Микола начинает петь.

«Работа у нас такая!..» *(Микола и Никитич поют
вместе)*.

Работа у нас такая,
Забота наша большая:
Была бы страна родная,
И нету других забот.
И снег, и ветер,
И звезд ночной полет,
Тебя, мое сердце,
В тревожную даль зовет!

Леха *(садится у их ног, утирая слезы)*. Конечно,
она не целка была, но я на нее не обижаюсь. Я вель ка-

ждый день пьяный, а я когда пьяный, я психовый!

Микола и Никитич стоят над ним в обнимку, как скульптурная группа.

Занавес

УТОМЛЕННОЕ СОЛНЦЕ

И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

Книга Бытия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Доктор Астров — рафинированный интеллигент лет 48, занимает высокий административный пост в науке.

Алик — рубаха-парень, однокашник Астрова по Университету, неудачник.

Веня — лет под 30, приятель Алика и подчиненный доктора Астрова.

Аркаша — за 50, фотограф, владелец моторной лодки.

Действие происходит в начале семидесятых годов XX века. Финский залив километрах в десяти от берега. Начало лета. Вечерет.

Моторная лодка в открытом море. Берега не видно. За рулем — Аркаша, остальные сидят на скамьях, в руках у Алика гитара, он все время наигрывает модное в тридцатых годах танго «Утомленное солнце».

Аркаша. Что я могу сказать: плохие времена настали. Кому теперь нужен фотограф, когда каждый сам себе фотограф?

Алик (*напевает*).

Утомленное солнце

Нежно с морем прощалось...

Видишь, Венька, на твоих глазах утомленное солнце нежно прощается с морем, а ты ехать с нами не хотел!

Аркаша (*подхватывает танго*).

...в этот час ты призналась...

Алик и Аркаша (*поют вместе*).

...что нет любви! Та-ри-та-та-ра-рам!

Алик продолжает наигрывать.

Аркаша. Когда я был мальчик, так все только и делали, что пели эту песню! (*Напевает*.)

Мне сегодня взгрустнулось

Бев тооки, бев печали...

Алик (*не прекращая играть на гитаре*). Нет, ты только представь, доктор Астров, ведь он ни за что

не хотел ехать с нами. Чуть из машины не выскочил, когда тебя увидел. Я силком его удержал...

Веня (*смущенно*). Ну, Алик, ну брось... ну зачем? Не надо...

Алик (*продолжая наигрывать*). Ты слышишь, доктор, он утверждал...

Аркаша (*напевает*).

Мне сегодня взгрустнулось...

Алик (*настойчиво*). ...будто тебе его присутствие будет неприятно. Что ты на это скажешь?

Аркаша (*напевает*).

...без тоски, без печали...

Веня (*в панике*). Алик, ну зачем? Я же просил... не надо...

Аркаша (*напевает*).

В этот час прозвучали слова твои...

Алик. Ты чего не отвечаешь, доктор? Или тебе и вправду неприятно? А то ведь я не поверил!

Аркаша (*напевает под гитару*).

Расставаясь я не буду злиться...

Астров (*напряженным голосом*). Алик, чего ты, собственно, добиваешься?

Аркаша (*напевает*).

...виноваты в этом ты и я,

га-ри-ра-ра-ри-рам!

Алик. Чего я добиваюсь, мой благородный друг? Истины, конечно, чего же еще? (*Присоединяясь к Аркаше, напевает.*)

Утомленное солнце нежно с морем прощалось...

Астров. А для чего тебе истина?

Алик. Ты же знаешь — правдоискательство, врожденный порок, так сказать. Из-за чего всю жизнь страдаю... *(напевает с Аркашей.)*

...В этот час ты призналась, что нет любви...

Аркаша *(под музыку)*. ...Все прямо-таки с ума сходили из-за этого танго! *(Напевает.)*

Та-ри-ра, ра-ри-рам!

Ах, какие это были времена: никто еще не умел фотографировать, и я был первый фотограф в Одессе!

Та-ри-ра, ра-ри-рам!

И учтите, мне было тогда всего девятнадцать!

Алик. Так что, доктор, тебе действительно неприятно?

Астров *(раздраженно)*. Может, оставишь меня в покое?

Алик. Или ты имеешь что-нибудь против истины?

Астров. Никакой истины нет, ее выдумали метафизики. Все зависит от точки зрения.

Алик. Брось философию, старик! Меня интересуют факты.

Астров. Факты тоже зависят от точки зрения.

Веня. Мы учили в школе, что факты — упрямая вещь.

Аркаша. Что я могу сказать: когда я работал фотографом в Барнуде, все факты проходили через

мои руки. Строили они там какой-то машиностроительный комбинат: ну знаете, обязательства, невыполнение, пятилетки, семилетки — все, как полагается. Вот подходит срок сдачи, а у них, конечно, только фундамент из земли вылез. Они — куда? Они, конечно, к Аркаше: Аркаша, выручай!

Астров. При чем тут Аркаша?

Аркаша. Я и говорю: «При чем тут Аркаша? Он кто — бог?» А они говорят: «Аркаша, ты даже больше, чем бог!» И что бы вы думали? Таки выручил; знаете, еврейская голова? Поставили они свои станочки на свой фундамент, и Аркаша их сфотографировал.

Веня. И что?

Аркаша. Как — что? Все им надо рассказать и в рот положить! Станочки сфотографировал, а потом на заднем плане стеночку пририсовал — кирпичик за кирпичиком, как одну копейку. Получилась, как живая, ну, отретушировал, конечно, — что я могу сказать: не стеночка, а конфетка!

Веня. И что — сошло?

Аркаша. Я просто удивляюсь, как вы спрашиваете! Конечно, сошло! Все получили премию и был большой банкет: икра, балык, коньяк.

Веня. А вас пригласили?

Аркаша. Зачем меня? Я коньяк не пью: у меня, знаете, печень...

Веня. Как же вас отблагодарили?

Аркаша. Как вам сказать? Пришлось поменять квартиру сюда, поближе к морю — знаете, никто не любит свидетелей.

Веня хохочет.

Но я вам скажу: я не жалею. Знаете этот сибирский климат? Так это не еврейское дело — жить в Сибири!

Алик. А в Ленинграде жить — еврейское дело?

Веня смеется.

(Напевает.)

Расставаясь я не буду злиться...

Аркаша. Зачем злиться, когда у тебя и так больная печень?

Веня. А я в Барнауле родился, в эвакуации. Там ребята пели на мотив вашего «Утомленного солнца» *(напевает.)*

Утомленная Сарра возвращалась с базара...

Алик *(присоединяется к Вене, поют)*.

А навстречу ей плелся ее верный Абрам!

Аркаша. Ах, испортить такое красивое танго!

Алик *(с вызовом)*. Та-ри-ра; ра-ри-рам! *(продолжает в сопровождении гитары и Вени.)*

Мне соседи сказали, ты была на базаре.

Покажи поскорее, что ты принеола,

та-ра-ри, ра-ри, рам!

Астров. Никогда не постигну этого поразитель-

ного еврейского тщеславия — чтоб говорили о тебе, пели о тебе, пусть хоть ругали, хоть унижали, только б не забывали!

Веня. Да вроде и так не забывают.

Астров. Где уж тут забыть, вы всегда норовите о себе напомнить! Вот вы, в частности...

Алик. Значит, ты и вправду что-то против Веньки имеешь, а доктор?

Астров. Ты-то чего хочешь? Ты-то при чем?

Алик. А я ни при чем — я лицо нейтральное. Я интересуюсь исключительно истиной, ибо только в истине есть истинная ценность. Как, например, в этой бесхитростной песенке. (*Поет, Веня к нему присоединяется.*)

Мне соседи сказали, ты была на базаре,
Покажи поскорее, что ты принесла,
та-ра-ри, ра-ри-рам!

Аркаша (*затыкая уши*). Ну зачем, зачем? Так все испортить!

Алик, Веня (*с вызовом*).

Несу я курочку, несу я булочку,
Кусочек маслица, два пирожка!
Я никому не дам, все съест родной Абрам,
А курочку разделим пополам!
Та-ри-ра, ра-ри, рам!

Астров (*кричит*). Перестаньте! Гадость какую-то завели, слушать тошно!

Алик. Какая прекрасная, возвышенная душа у

нашего доктора Астрова! И хоть возраст, — но романтик! Вот уже почти сто лет твердит он нам, что в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли!

Аркаша. Сто лет — кто б мог подумать? Он так молодо выглядит!

Веня хохочет.

Астров. Ради бога, Алик, избавь нас от этой затхлой шутки!

Алик. Аркаша, друг, сознайся: ты учился в школе? Ну, не огорчай меня: скажи, что учился!

Аркаша. Ну, положим даже, что учился. Так что?

Алик. А если учился, ты не мог забыть доктора Астрова — светлого умом, высокого мыслью...

Астров. И как не надоест! Ведь ты тридцать лет жуешь эту жвачку!

Алик (*вдохновенно*). ...и благородного порывами рыцаря без страха и упрека! Помнишь, ты писал о нем сочинения? Ну вспомни эти блаженно-сладостные минуты перед звонком, когда ты утирал влажный лоб лиловой от чернил ладонью! (*Ударяет по струнам.*) Та-ра-ра, ра-ри-рам!

Аркаша. Что я могу сказать: сочинения всегда были моим слабым местом!

Алик. Ладно, простим Аркашу: он мог забыть, он кончил школу давно, а потом прошел сложную

школу жизни.

Аркаша. Знаете, если б я рассказал вам свою жизнь, так это был бы роман.

Алик. Но вот ты, Веня, — с тебя спрос другой. Уж ты, небось, был отличником и конечно не забыл, как наш милый доктор клятвенно заверял нас, что мы еще увидим небо в алмазах?

Веня (*стесняясь*). Что-то было в девятом классе.

Алик. Да, брат-доктор, в девятом классе обещал, а теперь подводишь!

Астров. Слушай, зачем ты нас сюда заманил? Кажется, для отдыха и развлечения?

Алик. А мы и развлекаемся, разве нет? Я вот, например, шучу, пою, играю, себя не жалею, Аркашу привлек даже, чтоб и на суше, и на море! Аркаша, расскажи им про лодку!

Аркаша (*охотно*). Что я вам скажу: вы, конечно, думаете, что это обыкновенная лодка? Так это НЕобыкновенная лодка!

Алик (*ударяя по струнам*). Та-ра-ра, ра-ри-рам! Вот и лодка необыкновенная, а тебе все мало! И Веню я с собой прихватил — для ровного счета, чтоб если в преферанс, так, пожалуйста, полный набор! Ах да, в Вене как раз и загвоздка! Или нет, а, доктор? Что у вас там с Веней вышло?

Веня. Ну что ты, ей-богу! Ну не надо! Ну оставь!..

Алик. Веня, ты что, не веришь в доктора Астро-

ва? А напрасно, я знаю его уже тридцать лет: это самый благородный герой русской классической литературы! Хоть в реальной жизни он иногда проявляет себя как подлец, в душе он всегда возвышен!

Астров (*в ярости*). Ты просто бессовестно пользуешься тем, что отсюда нельзя выйти!

Алик (*благодарно*). А ты не нервничай так, ты расслабься, сделай дыхательные упражнения: вдох-выдох! вдох-выдох! Сразу легче станет.

Астров. Я и не нервничаю, с чего бы мне?

Алик (*сокрушенно*). Нет, ведь это просто чудо — как ты меня боишься! Прямо весь дрожишь, ей-богу!

Астров (*принужденно смеясь*). Слушай, у тебя мания величия, ты бы к психиатру ходил!

Алик. Я и сам иногда думаю: «Может, мне это только кажется?» Ну с чего бы тебе так меня бояться?

Астров. Действительно, с чего бы?

Алик. Ведь ты кто? Большой человек, научный руководитель, у тебя полк людей под рукой, а я никто — шпана, ближе Камчатки пристроиться не смог, а ты передо мной трепещешь! Смех один!

Астров. И как я тебя терплю столько лет!

Алик. И ведь всегда так было, с первого класса! Ты представляешь, Венька, этот вечный отличник, сталинский стипендиат, аспирант, докторант, всю жизнь моего суда в трепете ждал. И когда имя твое изо всех твоих научных работ вычеркивал, тоже ведь

суд мой предвидел, и все же вычеркнул! Надо же — героем оказался, ибо герой — не тот, кто страха не знает, а тот, кто страх свой побеждает.

Веня (*в смятении*). Слушай, зачем ты мне это рассказываешь? Зачем мне все это знать? А я — дурак несчастный, зачем впутался, зачем на ходу из машины не выскочил?

Алик. Ты, во-первых, не герой. — чтоб на ходу выскакивать. А во-вторых, ты романтик, очень ценишь настоящую мужскую дружбу, чтоб, значит, как прошлым летом на Камчатке, ветер в лицо, а водку — в глотку. Вот мы сейчас под водку твои проблемы и обсудим.

Веня. С чего ты взял, что я свои проблемы обсуждать хочу?

Алик. Ты не хочешь, зато я хочу.

Астров. А ты, собственно, при чем?

Алик. А кому следить приходится, чтобы в тебе все было прекрасно? Положим, насчет лица или, там, одежды, ты и сам позаботишься, но вот с душой и мыслями — ой, хлопот!

Астров. Вот почему ты в науке не достиг ничего!

Алик. А что, неплохое оправдание для неудачника? Ведь с тобой не заскучаешь: чуть зазеваешься, ты тут же напроказишь, — вот с Венькой, например.

Веня. Ну, Алик, брось, хватит! Ни к чему это! Не хочу я об этом, не хочу!

Астров. И место для выяснения неподходящее!
И время!

Алик. Чем неподходящее? Тихо, тепло, никто не мешает, все свои.

Астров. И убежать некуда?

Алик. И это, в частности, было предусмотрено. Такая замкнутость очень стимулирует.

Астров. Так вот: ничего из этого не выйдет! (*Решительно.*) Аркадий, прошу вас: немедленно отвезите нас к берегу.

Алик (*смеется, и напевает под гитару*).

Расставаясь я не буду злиться,

Виноваты в этом ты и я.

Та-ри-ра, ра-ри-рам!

Аркаша, что же ты? Не слышишь? Доктор просит отвезти его на берег!

Аркаша. Что я могу сказать? Если Алик прикажет, я — пожалуйста. Куда угодно, хоть в Финляндию.

Алик. Да, доктор, плохо: придется попросить Алика. А Алик ни за что!

Аркаша. Вот видите!

Астров. Он что, за это дело валютой расплачивается?

Аркаша. Эх, я вижу, вы верите только в деньги! А если б я сказал, что он спас мне жизнь, вы бы разве поверили?

Астров. Что, вытащил с поля боя на собствен-

ной спине? Смертельно раненного, конечно?

Аркаша. Зачем с поля боя? С поля боя меня вытащил другой. Ведь я, знаете, очень удачливый парень. Меня ранило в легкое — представляете, как мне повезло?

Веня (*хохочет*). Да, это удача!

Аркаша. Конечно, удача, а что бы вы думали? Ведь могло оторвать руку, или, скажем, ногу, или даже две, представляете? А если подумать, так и вообще могли убить. А тут — списали вчистую, а снаружи никакой метины: может, там, дышу, как паровоз, или кровью харкаю, так кто на такие мелочи смотрит?

Астров. А когда же Алик отличился?

Аркаша. Видите ли, хоть я и удачливый, но когда я вышел из госпиталя, так с деньгами, скажу я вам, было-таки туго. Не то, чтоб работы не было. Работа, прямо скажем, была, да я был не работник — головокружения, кровохарканья да и в обморок я чуть что падал. А есть-пить все равно надо? Ну и начал я фотографией подрабатывать. Знаете, ходил по деревням с фотоаппаратом — все-таки свежий воздух! Аппарат я подержанный достал: на сапоги выменял — все равно в Сибири сапоги ни к чему, разве там можно в сапогах? Особенно, если пешком по снегу из деревни в деревню. А в деревне каждый сфотографироваться хотел, на фронт карточку послать. Денег с этого, конечно, много не соберешь, но

прокормиться можно было. А кроме того, скажу я вам, в деревне в это время жил исключительно женский персонал. А мне было тогда всего 23, руки-ноги на месте, ну и все остальное, — так что, сами понимаете, цены мне не было, хоть был я слегка припадочный после контузии. Так что был я у баб нарасхват, и имел я сверх фотографии еще буханку хлеба каждый день.

Веня. Всего буханку — за такую работу?

Аркаша. А работа, скажу я вам, была не из легких! Бывало, по неделе-по две в одной деревне жить приходилось: ни за что не отпускали. Иногда как подумаешь, сколько черноглазых ребятишек я наплодил по сибирским деревням, даже страшно становится — это ж целый народ!

Астров. А где же наш Алик? Вряд ли он из этих деток?

Аркаша. А вы не спешите — куда спешить? И до Алика очередь дойдет. Надо было раз мне проехать по железной дороге. А вы знаете, как тогда поезда ходили? Если не знаете, — ваше счастье, и не дай вам бог такое узнать. И вот подходит поезд к полустанку и стоит он там всего-навсего минутку, так что проводница даже подножку спустить не успевает. А у меня, значит, в руках чемоданчик, а в чемоданчике все мое имущество: носки там, портянки, и конечно фотоаппарат со всеми причандалами. И билета, конечно, никакого — разве тогда билет

можно было достать? Я чемоданчик с ходу забрасываю в вагон, а сам прыгаю за ним, — а проводница, сука, подножку не открыла, платформы там, конечно, никакой, так что я повисаю на руках из этого вагона, и поезд тут же трогается. И она меня начинает ногами по рукам, по рукам, чтоб я, значит, отцепился и выпал. Вы когда-нибудь пробовали, чтобы вас ногами по рукам, а поезд уже набрал скорость и мчится во весь дух, сумасшедший? Если не пробовали, так не дай вам бог попробовать. Ну, чувствую я, конец мой приходит — и как заору! Вот тут Алик на мой крик и выскочил в тамбур из вагона.

Алик. Вы даже не представляете, что это за крик был — меня как ветром из вагона вынесло, мы с мамой ехали. Гляжу, на площадке никого, только проводница, дверь открыта и что-то она такое топчет ногами, живое вроде. Мне сперва показалось, что это — крыса или кошка, а потом я понял, что это руки, и что сейчас она эти руки выпихнет, и тут он снова заорал, прямо завыл, предсмертным таким во-ем.

Аркаша. Знаете, если бы вы так повисели на краю вагона, как над пропастью, да вас еще трясет и качает на полном ходу, а в легком у вас торчит осколок и по рукам вашим ходят ногами, — вы бы тоже завыли.

Веня. А нельзя было раньше соскочить, еще до того, как поезд скорость наберет?

Аркаша. Ах, молодой человек, ну что вы знаете об жизни? Иногда такие случаи бывают — не дай вам бог такие случаи узнать, — когда соскочить из поезда на станции еще страшнее, чем выпасть из него на ходу!

Астров. Что, побили бы?

Аркаша. Если б только побили!

Веня. А за что?

Аркаша. А за то самое.

Веня. А!

Аркаша. А кроме того — про чемодан вы забыли? Я же чемодан вперед закинул!

Веня. Ну, чемодан она бы вам сбросила.

Аркаша. Нет, вы меня просто смешите, — чтоб она чемодан сбросила! Да она за этот чемодан меня топтала, может быть! Но зато потом, вы представляете, когда Алик меня в вагон втащил полуживого, — у нее даже йод нашелся, ссадины мне на руках смазать. Что в русской женщине хорошо — что она зла долго не помнит.

Веня. А откуда у нее против вас зло быть могло?

Аркаша. А откуда я знаю? Но топтала она меня от всей души.

Астров. А у вас против нее зло было?

Аркаша. Что я могу сказать: не еврейское дело зло копить, на всех желчи в печени не хватит. А мы, евреи, люди удачливые и всегда выживаем, из всех ситуаций, если вы наших ситуаций не знаете,

так не дай вам бог узнать! Теперь я думаю, вам понятно, почему слово Алика для меня — приказ?

Алик (*ударяя по струнам*).

Артиллеристы, Алик дал приказ!

Астров. Заранее, выходит, продумал ловушку?

Алик. Скажи лучше — западню: звучит куда более драматично.

Астров. А ты всего-навсего создал обстановку для дружеской беседы, да?

Алик (*ликуя*). Именно! Именно для дружеской! Ну где бы еще наш Веня мог чувствовать себя на столь дружеской ноге с начальством, — на равных, так сказать?

Веня (*чуть не со слезами*). Ну почему, почему ты не дал мне выйти из машины там, на углу? И было бы хорошо — сидел бы я сейчас дома...

Алик. ...и гадал, что будет, когда благородный доктор вышвырнет тебя на улицу с волчьим билетом?

Астров. Вот что: здесь я все это выслушивать не намерен!

Алик. Зато там вышвырнуть с волчьим билетом — намерен?

Астров. Здесь мы обсуждать это не будем!

Алик (*благодарно*). А что нам еще остается делать, раз Аркаша все равно нас к берегу не везет?

Астров (*с холодной яростью*). Так вот: не выйдет у тебя тут собрания с покаянием и осуждением,

ясно? Я, во всяком случае, в нем участвовать не намерен. *(Демонстративно отворачивается.)*

Алик. Как тебе угодно — спешить нам некуда. *(Трогает струны.)* Выпивка есть, закуска тоже, но года прекрасная, утомленное солнце нежно прощется с морем, *(напевает.)*

без тоски и печали...

вслед за солнцем выйдет луна, таинственная и холодная, к рассвету ветер разбудит волну, потом опять выйдет солнце, потом опять луна и так далее и тому подобное, ну разве не романтично? Вот только могут возникнуть трудности с разными естественными отправлениями. По малой нужде сходить за борт в общем-то несложно, но вот по большой, да если у кого запоры — ой, и не спрашивайте, как трудно! И притом на глазах у подчиненных!

Астров. Напрасно вы обратились к нему за помощью, Веня. Трудно представить, чтобы подобный шантаж мог улучшить ваше положение.

Веня. Вы что — думаете, я его просил? Да я б, если б только знал, ...Да я б... Я б с вами не то что в одной лодке... я б... я б... *(голос его срывается.)*

Алик. Зря ты его так, Веня, зря! Ведь его только за одну любовь ко мне уважать следует.

Астров. Придумал тоже — любовь! Да мы с тобой последний раз в жизни видимся!

Алик. Слышал я это — и не раз. Но пока ты жив, никуда ты от меня не денешься. На кого еще ты бле-

вотину свою извергнуть сможешь после очередного приступа служебного рвения?

Астров. Пора бы тебе понять, наконец, что я действую не от своего имени, а от имени дирекции...

Алик. А может, прямо от имени правительства? Ну сознайся: вызвали тебя непосредственно в правительство и потребовали, чтоб имя Веньки Когана не пятнало страниц наших уважаемых журналов? Веня, скажи, ты польщен таким вниманием к твоей скромной особе?

Веня смеется.

Астров. Напрасно он польщен: было бы указание, ему было бы не до смеха!

Алик. Угу, выходит, ты проявил инициативу?

Аркаша. Что я могу сказать — проявлять инициативу тоже иногда опасно. Я как-то сфотографировал неприступную скалу на Чуйском тракте и на фотографии нарисовал белым лозунг: «Слава КПСС». Отретушировал, конечно, и получилась, как живая, — не скала, а конфетка. Ну, сделали в Барнауле открытки, доход с этого не знаю, какой большой имели, а потом какой-то ловкач решил эту скалу снять для фотоальбома «По родной стране». Ну, приезжает он на место, а на скале, конечно, никакой надписи нет. Ох, и шум поднялся: если вы такого шума не слышали, так и не дай вам бог услышать!

Алик. Видишь, к чему неумеренное служебное

рвение приводит?

Астров. Указаний не было, но намеки были.

Алик. А ты что, намеки на лету ловить обязан?

Астров. Ясно, обязан — я лицо официальное!

Веня нервно смеется.

Слушай, а почему ты только с меня спрашиваешь? Ты бы с него самого объяснения потребовал: зачем он на общем собрании со своим особым мнением выскочил? Кого там его мнение интересовало, да еще по такому поводу?

Веня. По какому — «такому»?

Астров. По щекотливому!

Веня смеется.

Алик. Ну, Вениамин, отвечать будешь?

Веня. Ну, не знаю... противно очень было. Каждый выходил на трибуну и в лицо себе плевал. И не утирался.

Алик. А промолчать нельзя было?

Веня. Ясно, нельзя было — всех по списку к трибуне вызывали.

Алик. Ах, по списку! Это ты придумал?

Астров. Господи, конечно не я! Но я обязан был подчиниться!

Алик. Какой же у Веньки был выход, если ты подчинился?

Астров. Другие же нашли выход. И ничего,

никто не умер.

Веня (*тихо и упрямо*). А я не мог. Я бы умер.

Астров (*зло*). Конечно, вы особенный! Лучше других!

Веня. Я не говорю, что я лучше. Может, я даже хуже. Но я не мог.

Астров. А не мог — так чего ж теперь жаловаться? Все остальное — естественные последствия, не более.

Веня. А я и не жалуясь.

Астров. Зато я жалуясь! В каком положении я по вашей милости оказался?

Веня. То есть, вы из-за меня пострадали?

Астров. Именно из-за вас! Из-за вашего героизма!

Веня (*тихо*). Что ж, простите.

Алик. Вот это поворот! А я, болван, и не понял, кто перед кем повиниться должен!

Астров (*не слушая*). Да что — я? Ведь всех, всех подвел! Правдоискатель! Весь институт под удар поставил!

Веня. Как же быть — так всю жизнь и лгать?

Астров. Лгут же другие!

Веня. А для чего? Для общей пользы?

Астров. Да, если угодно — для общей пользы! Лгут всю жизнь, и в этом больше героизма, чем в вашем одиноком вопле. Да и не вопль это был, а писк! Кто его слышал? Кто понял? Кому он был нужен?

Веня. Мне он был нужен.

Астров. Ясно — вам! А до общей пользы вам дела нет, ее вы презираете, не так ли? А я вот всю жизнь это поле пашу, чтоб хоть крупицу, да сберечь!

Алик. И много сберег?

Астров. Сколько б ни было — все мое! Это проще всего — осудить. А судьи кто? Конечно, самое милое дело — слинять на Камчатку, подальше от ответственности и разыгрывать из себя рыцаря без страха и упрека. Это просто, это каждый может.

Алик. Ты бы, положим, не смог: очень суету любишь.

Астров (*закусив удила*). ...Или на общем собрании на трибуну выскочить и пропищать свое гордое, одинокое и возвышенное «Нет!» И все разрушить враз! А о других людях вы подумали, о тех, чьи головы вместе с вашей полетят?

Веня. Это вы о тех, которые по команде в лицо себе плевали?

Астров. Ну что вы знаете о плевании себе в лицо?

Веня. Не знаю и знать не хочу!

Астров. Ясно, не хотите — разве вы здесь хоть за что-нибудь в ответе?

Алик. Черт, это ты, оказывается, всю жизнь был герой, а мы и не ценим!

Астров (*захлебываясь словами*). ...ничего вам тут не дорого, ничего не свято, на все плевать! Чужие,

чужие, всем и всему чужие!

Алик. Это ты насчет безродных космополитов, что ли?

Астров. Именно безродных — без корней, без традиции, без почвы!

Алик. А как там насчет Иуды и 30 серебряников?

Аркаша (*испуганно*). Алик, ты же знаешь, как я тебя уважаю! Но, помоему, ты не прав. Люди приехали отдохнуть, приятно провести время, а ты вдруг ни с того, ни с сего...

Астров. ...разве вы можете понять, что у этого народа своя мораль...

Веня смеется.

— да, да, мораль, и ничего смешного в этом нет! Своя мораль, свой путь, своя избранность...

Алик. Хорошо поешь — дай списать слова!

Астров. ...а вы, ослепленные гордыней, выскочки, в азарте самоутверждения готовые разрушить и распылить ценности, вам не принадлежащие...

Алик. Тебе что, моча в голову ударила? Так от этого средства есть — народные, так что ты их вполне одобришь...

Астров. ...а мы и не заметили в наивности своей, как обросли еврейством до макушки — нам подсушили все — друзья, жены, идеи, даже священники, и те...

Алик. У него затмение рассудка! От этого только купание в холодной воде может спасти! *(Встает.)* Веня, будешь ассистентом!

Аркаша *(в панике)*. Ах, боже мой, ну что же это такое! Это же совсем ни к чему!

Астров. ...и вы уже чувствуете себя хозяевами нашей культуры!

Аркаша. Лучше я покажу вам свою лодку: вы думаете — это обыкновенная лодка, а это НЕобыкновенная лодка!

Астров. ...ответственности вы не несете, но устраиваете нам революции, отменяете нашего Бога, разрушаете церкви...

Веня. Да чего вы стóите, если вам можно революции устраивать?

Алик. Ну и защищал бы Бога, что ж ты?

Аркаша *(почти плача)*. Ах, ну при чем тут Бог? Никакого Бога вообще нет, все это знают! Вы лучше посмотрите, какой я вам сюрприз приготовил!

Астров *(тоже вскакивает)*. Вот, вот оно: даже этот недочеловек знает, что Бога нет.

Аркаша. Вы думаете — это лодка? Так это не лодка, это — птица! Вот сейчас я нажму на кнопку и она полетит!

Веня *(тоже вскакивает)*. Это — недочеловек, а те — на собрании — люди!

Аркаша *(стараясь перекричать всех)*. Вы даже не поверите, как она летает! На подводных крыльях!

Вы слышали про подводные крылья? Если нет, так сейчас услышите! Внимание!

Нажимает на кнопку, лодка взлетает на миг над поверхностью воды и переворачивается килем вверх. Все четверо исчезают под водой, затем лодка всплывает килем вверх, и один за другим выныривают Аркаша, Алик и Астров. Отплываются, тяжело дыша, плавают, держась за опрокинутую лодку.

Аркаша. Все живы?

Астров. Ну и взлетели!

Аркаша. Плюньте в глаза тому, кто скажет, что Балтийское море теплое.

Алик. А Венька где? *(Нырятся.)*

Астров *(Аркаше)*. Это и был ваш сюрприз?

Аркаша. Нет, вы видели что-нибудь подобное? Чтобы лодка взяла и перевернулась?

Алик *(выныривает и озирается, тяжело дыша)*. Нет Веньки?

Замечает что-то с другой стороны лодки, ныряет и через мгновение появляется, поддерживая Веню, который кашляет и отплывается. Оба хватаются за лодку.

Веня. Очки... Очки утонули... *(Кашляет.)*

Алик. Бог с ними... Хорошо, сам не утонул.

Аркаша. Нет, как вам нравится эта лодка? Чтоб взять и так перевернуться?

Астров. Это что, тоже заранее было запланировано?

Алик. Нет, было запланировано, чтоб ты тонул, а Веня спасал тебе жизнь, но он, оказывается, не умеет плавать!

Астров. Вряд ли он стал бы меня спасать...

Веня. Не судите по себе...

Алик. Ты б на его месте не стал?

Аркаша. Ну что вы прохлаждаетесь? Дело надо делать, а не прохлаждаться!

Астров. Какое дело?

Аркаша. Как какое? Лодку переворачивать будем.

Алик. Опять переворачивать? Одного раза тебе мало?

Аркаша. Я очень люблю этих шутников с их шуточками! Или ты не замерз?

Алик. Ладно, уговорил — будем переворачивать. Неясно только, как.

Аркаша. Очень даже ясно: заплывем все с одной стороны и будем раскачивать, пока не перевернем.

Веня. А если не выйдет?

Аркаша. Что значит — не выйдет? У нас же нет другого выхода!

Астров. Ну а все-таки — если не выйдет?

Аркаша. Я вам даже удивляюсь — как это может не выйти? Или вы мечтаете, чтобы утонуть?

Веня. А до берега далеко?

Алик. Ты же все равно не умеешь плавать.

Аркаша. Я думаю, километров семь-восемь, не

меньше.

Астров. Тут и уменье плавать не поможет. Особенно в таком холоде.

Аркаша. Я вижу, вам очень хочется утонуть. Другие давно бы уже перевернули лодку, а вы говорите, говорите. Ну о чем тут говорить?

Алик. Ладно, начали — заодно и согреемся!

Все четверо начинают раскачивать лодку, пытаясь ее перевернуть.

Аркаша. Раз-два, взяли! Ну, еще! И еще! И еще!

Под их давлением лодка выскальзывает и отплывает чуть-чуть, нисколько не собираясь переворачиваться. Веня, теряя опору, сразу захлебывается и хватается за лодку. Под нестройные выкрики это повторяется несколько раз, пока все в изнеможении не приваливаются к упрямому днищу, тяжело дыша.

Алик. Ну и скользкая, тварь!

Аркаша. Ничего, сейчас отдохнем и снова навалимся!

Веня. По-моему, вообще нельзя, находясь в воде, перевернуть опрокинутую лодку.

Аркаша. Что значит — нельзя, если надо?

Веня. Лодка ведь, согласно законам физики...

Аркаша. Какие такие законы? Если безвыходное положение, любые законы можно нарушать, не то, что физики.

Астров. И часто вы законы нарушали?

Аркаша. Интересно, как бы я до шестого десятка дожил, если б не нарушал? И притом учтите: все это время я был еврей!

Алик. Ладно, кончили перекур — взялись!

Опять повторяется та же сцена: несмотря на все усилия, лодка выскальзывает и возвращается в опрокинутое положение.

Веня. Ничего не получится — у нас нет точки опоры.

Аркаша. Так что — пропадать из-за этой точки опоры, раз ее нет? А ну, взялись!

Алик. Давайте, давайте, не отвлекайтесь, а то стемнеет скоро.

Действительно, солнце тем временем спустилось почти до самой воды. Все четверо опять безуспешно пытаются перевернуть лодку.

Астров (*вдруг отплывает и кричит истерически*). Хватит! Баста! Это безумие! Не может эта лодка перевернуться, это даже младенцу ясно! Господи, как это все нелепо, как нелепо! Где мы? Что мы тут делаем? Как все это случилось? Я не хочу этого, не хочу, не хочу!

Все ошеломленно смотрят друг на друга.

Алик. Ну, не хочешь, так что? Есть альтернатива?

Астров. Это все из-за тебя! Из-за твоей дурац-

кой затеи! Ты этого хотел? Этого, да? Скажи: ты этого хотел? Теперь ты доволен?

Аркаша. Видите, мы лодку уже хорошо раскачали. Теперь рывок-другой и все будет хорошо. Вернемся домой, раздавим бутылочку...

Веня. Бутылочки все утонули.

Аркаша. Пусть это будет наша последняя забота. Бутылочка всегда найдется — на то мы в России живем.

Астров. Господи, и этому идиоту ты доверил наши жизни! Он даже лодкой управлять не способен! Это надо уметь — перевернуться ни с того, ни с сего! Теперь мы тут захлебнемся, как котята в сортире, исчезнем из жизни, пропадем, и никто даже не догадается, куда мы делись.

Аркаша. Зачем обязательно пропадать? Лучше навалимся еще разок — и перевернем.

Веня. Да не перевернем мы ее! От воды, что ли, мы отталкиваться будем?

Алик. И почему ты так любишь пессимистические решения? Какая разница, от чего отталкиваться, главное — оттолкнуться! Взялись!

Астров. Господи, к чему столько усилий? Ведь это безнадежно.

Аркаша. Пока человек жив, он должен надеяться. Начали!

Аркаша, Алик и Веня пытаются перевернуть лодку — безуспешно.

Астров (*в стороне*). Веня, зачем вы возитесь с этим корытом? Вы же уверены, что ничего не выйдет.

Веня. А я — как все.

Астров (*заходясь в крике*). Бросьте вы это, бросьте! Хватит! Все равно ничего не выйдет! Прекратите! Хватит!

Аркаша. А вам жалко, если мы немножко согремся?

Все попытки действительно безуспешны. Солнце спускается все ниже. Наконец, Алик и Веня сдаются.

Алик. Нет, баста! Похоже, это и впрямь безнадежно.

Веня (*дрожит*). Ну и холод! Б-р-р!

Аркаша. Что значит — безнадежно? Конечно, на что может надеяться человек, который дрожит, вместо того, чтобы работать? (*Продолжает толкать лодку.*)

Алик. Ты что, один хочешь ее перевернуть?

Аркаша. А если я переверну её один, ты что — откажешься в нее сесть?

Астров. Ну что — пора подводить итоги? Я так понимаю: песенка наша спета! Черт, какая глупость, как не хочется умирать!

Веня. Неужели нет выхода?

Астров. Какой может быть выход? Вряд ли кто-нибудь найдет нас здесь.

Веня. У нас во дворе этой зимой мальчик пропал — страшно вспомнить. Лет девяти. Искали его, искали, и только весной нашли: он провалился в канализационный люк, крышка была приоткрыта, а щель засыпало снегом. Он умер от голода или замерз, не знаю точно, — но сколько-то времени он сидел в этой яме и ждал, надеялся, что его найдут. Говорят, он поседел от ужаса.

Астров. Мы поседеть не успеем. При такой температуре мы через часок-другой ослабеем и захлебнемся, не поседев.

Аркаша (*который все это время не переставая толкал лодку, вдруг кричит пронзительно*). Караул! Спасите! Тонем!

Алик. Кому это ты?

Аркаша. Если кричать, кто-нибудь может услышать. (*Толкает лодку.*)

Алик. Кто здесь есть, интересно?

Аркаша. Все может быть: рыбаки, например, или влюбленные. (*Кричит.*) Караул! Спасите! Тонем!

Веня. Господи, даже уши заткнуть нельзя!

Астров. Чего затыкать — уж терпите: ведь всем погибать из-за вас! В поисках справедливости! Уж теперь, наконец, справедливость восторжествует!

Веня. Может, я прощения у вас попросить должен? А я ведь из-за вас в этой проклятой лодке оказался, — чтоб вашу больную совесть лечить. Кажет-

ся, именно ваша совесть была в центре внимания? А я? При чем тут я? Мне какое дело до вашей совести? Зачем мне понадобилось ехать с вами? Ведь я даже маму не предупредил, ее дома не было! Теперь она никогда не узнает, куда я делся. Господи, никогда не узнает! Ведь она с ума сойдет, с ума сойдет!

Аркаша *(кричит)*. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. ...и я даже не смогу ей объяснить, что все это из-за вас, из-за вашей совести...

Астров. Далась вам моя совесть, подумали бы о своей! Ведь жить не больше часа осталось, а вы...

Алик. Бросьте выяснять, кто виноват! Лучше б сосредоточились на том, как спастись...

Астров. Да никак! Никак не спастись! *(Истерично.)* Крышка нам! Хана! Конец! Все!

Веня. Как это — конец? А мама? Ведь ей никто никогда не расскажет, как это случилось! Разве так бывает?

Астров. Бывает, бывает — скоро убедитесь!

Аркаша *(пронзительно)*. Караул! Спасите! Тонем!

Астров. А потише нельзя?

Аркаша *(нормальным голосом)*. Если потише, так никто не услышит. *(Пронзительно.)* Караул! Спасите! Тонем! *(В промежутках между криками иступленно толкает лодку.)*

Веня *(истерически хохочет)*. А если громко, — кто услышит? Кто может слышать? *(Заходится в*

хохоте). Может, мама услышит? Мама, ты слышишь, мы тонем! Караул!

Алик. Прекрати! Умолкни! Сейчас же прекрати!

Веня хохочет, как безумный.

Веня (*захлебываясь истерическим хохотом*). Тонем! Спасите! Тонем! Мама!

Аркаша (*перекрикивая Веню*). Караул! Спасите! Тонем!

Астров. Слушай, уйми своих дружков! А то мы до того, как сдохнем, еще с ума сойдем!

Веня. Ха-ха-ха! Сдохнем! Спасите! Мама! Ха-ха-ха! Тонем!

Астров (*перекрикивая*). Уйми их, уйми! Заткни им глотки! Ты, супермен, уйми их! Уйми-и-и-и! (*Визжит*). И-и-и!

Аркаша (*перекрикивая всех*). Караул! Спасите! Тонем!

Алик (*подплывая к Вене, хлещет его по щекам*). Перестань! Прекрати истерику!

Веня (*внезапно стихая, почти шепотом*). Мама, что это было? (*Всхлипывает*.)

Алик (*ласково*). Ну, вот и прошло, вот и хорошо!

Астров. Хорошо, очень хорошо! Просто замечательно!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. Алик, неужели и правда — смерть? Неужели смерть?

Алик. Вень, тебе сколько лет?

Веня. Двадцать восемь! *(Плачет.)* Всего двадцать восемь! Ой, как холодно, ноги сводит! Что же это будет? Что будет? Что будет?

Астров. Скоро ничего не будет.

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Алик. Нет, так не годится! Надо что-то делать!

Веня. Что можно сделать?

Алик. Чего мы тут болтаемся? Чего ждем? Смерти?

Астров. А чего же еще ждать? Ангеласпасителя?

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Алик. Что угодно, только не это! К берегу надо плыть, вот что!

Астров. Восемь километров?

Алик. Хоть сто, но не болтаться тут, ожидая конца!

Веня. Ведь не доплывешь.

Алик. Ну, не доплыву, ладно! Но хоть плыть буду, а не висеть тут, сходя с ума! Плыть буду, плыть, руками махать, понимаешь? Что-то делать, а не просто смерти ждать!

Веня. Понимаю, но не умею плавать.

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Алик. Ну, кто со мной?

Веня. Предположим, я, — тогда как?

Алик. Поплыли, будешь за меня держаться!

Веня. И далеко мы уплывем?

Алик. Не дальше смерти.

Астров. А если и я с тобой, — ты двоих увезешь?

Алик. Хуже, чем здесь, не будет.

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. А его куда? Бросишь? Или третьим возьмешь?

Алик (*кричит*). Чего вы допытываетесь? Чего вам надо? Плывете вы или нет?

Астров. А если нет, — ты нас бросишь?

Алик. Что значит — брошу? Вы же сами говорите, что не доплыть!

Астров. Но ты же тренированный! Ты-то надеешься доплыть!

Алик. А тебе жалко, если я доплыву?

Астров. Конечно, жалко! Что ж — я подохну, а ты жить будешь?

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Алик. Ты бы хотел, чтобы мы вместе подошли?

Астров. Или чтоб ты подох, а я жил!

Алик. Ты ведь всю жизнь мне завидовал, правда? Дружил и ненавидел?

Астров. А ты мне завидовал! И ненавидел тоже! И жить без меня не мог!

Алик. Это я без тебя не мог?

Астров. Конечно, ты! Чтоб непрерывно и постоянно надо мной возвышаться! Чтоб, исправляя меня.

всегда чувствовать свое превосходство! И скрежетать зубами от зависти, видя мои успехи!

Алик. Что мне твои успехи?

Астров. А то тебе мои успехи...

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Астров. Тише, ты, дай поговорить! (Алику.) Ну что ты без меня — неудачник, и все! Дальше Камчатки уже ехать некуда, только поэтому ты там застрял. А при мне ты всегда как бы утверждаешь, что принес свою карьеру в жертву. Но в глубине души ты знаешь прекрасно, что никакой карьеры сделать не мог по безалаберности и неспособности!

Алик. Вот ты, значит, как! Ну что ж, прощай, и оставайся с этими своими утешительными мыслишками!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Астров. Значит, ты хочешь уплыть и бросить нас тут?

Алик. А ты хочешь, чтобы я остался?

Астров. Тебе что, мое разрешение необходимо? Так вот: моего разрешения ты не получишь!

Веня. Ну что вы, доктор, пусть плывет: вдруг и вправду доплывет? Может даже кого-нибудь за нами пришлет, а?

Астров. Как же, так он и доплыл! Хоть он и супермен с Камчатки, но все равно захлебнется на полпути и, пуская пузыри, пойдет на дно, где-то там, один-одинешенек!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. Все равно, каждый умирает в одиночку. Был такой роман с красивым названием, только я тогда не понимал смысла этих слов. Только тот, кто сам умирает, может понять. А теперь я понял. Выходит, я умираю? Но не может же быть, чтобы Я! Я! Я! умер! Ведь еще час назад все было в порядке! И не было никакого знака или предупреждения! Ведь так же нельзя!

Астров. Я уже ног совсем не чувствую, пальцы онемели...

Алик. Нет, вы как хотите, а я поплыл! Лучше утонуть среди моря, чем болтаться тут в нашей общей мочке, подыхая постепенно: сперва отнимутся ноги, потом руки, потом мозги,.. Лучше я захлебнусь в волнах, чем буду тут сходить с ума!

Астров. Если ты доплывешь, мы будем снится тебе по ночам!

Алик. Если я выплыву, я пошлю за вами лодку.

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Астров. Спасители приплывут, а тут пусто-пусто! Только эта склизкая посуда болтается на волнах да пузыри на воде — остатки нашей агонии.

Алик. Значит, надо спешить! Пока ноги судорогой не свело. Прощайте!

Астров. Как, уже уплываешь? Так сразу?

Веня. Ведь не было никакого знака! И вдруг всему конец! Так же не бывает! Вот так вдруг, без всяких...

(Рыдает.) Не бывает! Не бывает так! Не бывает!

Астров *(надрывно)*. Ты уплываешь? А я? А я? Как же я?

Аркаша *(пронзительно)*. Караул! Спасите! Тонем!

Алик *(отталкиваясь от лодки)*. Все! Баста! Еще минута и я сойду с ума! *(Уплывает.)*

Астров *(вопит)*. Алик! Вернись, Алик! Куда ты? Ведь пропадешь! И тут, и там пропадешь, так хоть вместе! Алик, подожди! *(Уплывает вслед за Аликом.)*

Веня. Ну вот, теперь я совсем один, и мамы нет — если бы она знала, если б знала! *(Плачет.)* Мама! Мама, я тону, мама! Слышишь, мама, я тону, тону, тону... *(Бормочет.)* Я тону, я тут совсем один, до берега так далеко, вода такая холодная, ног я уже не чувствую и пальцы на руках свело... А ты! Ты всегда уверяла, что сразу же узнаешь, если со мной что неладно, и потому не позволила мне жениться на Наташе; говорила, сердце тебе подсказывает, что мы не будем счастливы. А сегодня с утра, когда он за мной заехал неожиданно и позвал к морю на лодке кататься, сердце тебе ничего не подсказало: ты ушла спокойно по своим делам, по своим глупым, ерундовым делам...

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. ...а могла бы не пустить, ты ведь часто меня не пускаешь. Сказала бы, что я обещал пойти с тобой навестить тетю Фаню, и все было бы хорошо:

сидели бы мы с тобой сейчас дома, вдвоем, я бы валялся на диване, а ты — в кресле в своем дурацком нейлоновом халате с розовыми цветами, которым ты так гордишься, нашла чем гордиться, дура старая... Мы бы смотрели телевизор, кисли бы от скуки, ты бы пилила меня, что я тебе ничего не рассказываю, а я бы ненавидел тебя, как всегда по вечерам, особенно по воскресеньям, за то, что мне некуда пойти, за то, что ты не позволила мне жениться на Наташе...

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Медленно подплывает Астров, с трудом дыша, и цепляется за лодку.

Астров (*бормочет*). ...вот и все, теперь уже точно все. Он уплыл, бросил меня, и теперь, наконец, я от него освободился. Всю жизнь терпел, всю жизнь боялся, — потерять боялся, отпустить боялся, слова его боялся, и что он в Ленинград жить переедет и каждый день в гости приходить станет, боялся, и что в отпуск с Камчатки приедет и не придет, не позвонит, забудет, боялся. Боялся, что она пожалеет, что не его, а меня выбрала, и что они между собой за моей спиной сговорятся, боялся, что она его неудачником назовет и в дом однажды не впустит — за его баб и за его дебоши, и за те обидные слова, которые он всегда для меня находил, — всего, всего боялся. А теперь он уплыл один и утонет там, так что никто

и не узнает, как и где он утонул, а я за ним не угожусь: куда мне за ним, он чемпион, он супермен, герой романов, бабник, ему все всегда было нипочем, не то что мне... Мне так и положено: бултыхаться в собственной моче среди этих недоделков...

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. ...я уже и рук не чувствую, а ты там сидишь, пасьянс свой дурацкий раскладываешь, сидишь и злишься, что я где-то гуляю, домой не иду, с кем-то болтаю, а не с тобой. Ведь я — твоя игрушка, твоя собственность, и не имею права с другими по вечерам в кино ходить или даже чай пить, а уж обедать и подавно. Только твои котлетки мне есть положено, с тобой дружить, только тебе доверять, потому что все остальные негодяи и обманщики. Вот только женить меня на себе ты не смогла — стара ты для меня, слишком поздно ты меня родила, чтоб я на тебе жениться мог, вот и хожу холостой. На ком бы я мог жениться, если не на тебе? Что Наташа против тебя? А уж Юлька, та и подавно не годится для такого сокровища, как твой сыночек, — ему ни одна женщина не подойдет кроме тебя! *(Хохочет.)* А я вот обману тебя! Возьму и утону! И вообще не женюсь ни на ком, никогда, и не будет у тебя внуков, и внучек, никого не будет, и меня тоже не будет. Возьму и утону, раз ты не хочешь спасти меня! Мама! Ну спаси меня, мама!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Астров. А теперь я его больше не боюсь, потому что он все равно раньше меня утонет: волной его захлестнет, он и захлебнется, а я все же за лодку пока держусь, вот мне и не страшно. Я теперь что угодно сделать бы мог, любую подлость совершить, и никто ничего мне не скажет, а и скажет, так мне плевать, потому кто, кроме него, мог бы меня попрекнуть, она, что ли? У нее на это кишка тонка, а его уже нет и никогда больше не будет. Господи, никогда не будет? Как же теперь без него? Или может, вот оно и есть — избавление, а? И ей без него никакого смысла нет жалеть, что она за меня вышла, и меня же еще попрекать, что я его больше, чем ее люблю, и что я на ней потому и женился, что он по ней всю жизнь помирал, вот я к нему через нее и прикоснулся. Он-то помирать помирал, а с девками при том вечно гулял, да и не с девками даже, а со шлюхами, такими, что диву все давались, где он только их брал. И к чему ей было мне его в пример ставить — хорош примерчик!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. Мама! Или ты притворяешься, что не слышишь? Или ты, может, от меня просто устала, раз я такой неудачный, а, мама? Так смотри, потом пожалеешь, да поздно, меня уже не будет, и не будет, и не будет, и не будет! И кого ты станешь тогда ждать по вечерам и упрекать, что поздно пришел? И с кем на концерты в филармонию ходить, ради кого надевать

свой светлый брючный костюм — в надежде, что кто-нибудь воскликнет: «Ах, какая милая дама с вами, Веня!» — а я отвечу: «Это не моя дама, это моя мама»; и тот, что спрашивал, воскликнет: «Нет, вы шутите! Такая молодая?» И никогда я уже не увижу твою старую морщинистую шею и не пожалею тебя, что ты уже старая, а сама не понимаешь, какая ты старая. И не буду вечно бояться, что ты можешь заболеть и умереть, и иногда мечтать об этом, чтобы хоть через смерть твою вырваться от тебя, и побежать вечером в кафе с ребятами или позвонить Наташе, это еще до того, как она замуж вышла, или в горы с рюкзаком пойти, и чтоб никто мне голову не морочил, что мне того нельзя, и этого нельзя, и чтоб некому было ревновать и торчать поздно вечером у окна, поджидая, когда я вернусь. Меня не будет и я перестану злиться, что ты меня сторожишь и мои разговоры вечно подслушиваешь — ты ведь нарочно параллельный аппарат сделала, чтобы подслушивать? И ничего, ничего больше не будет...

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

На сцене медленно возникает лодка, в которой трое: Алик, Жена Астрова — немолодая элегантная дама, и Венина Мама — в нейлоновом халате, она раскладывает пасьянс. В руках Алика гитара, он наигрывает «Утомленное солнце», Жена Астрова тихо подпевает. Солнце почти спустилось, оно висит над морем, касаясь линии горизонта, алое и огромное, — вся эта сцена происходит в закатном малиновом сумраке.

Астров (*в сопровождении гитары*). ...в этот час ты призналась... И напрасно, никогда не следует признаваться, так верней... И напрасно вы думаете, что со мной покончено. (*Кричит.*) Эй, ты, в лодке, ты зачем ее сюда притащил? Чтобы она своими глазами увидела, как я пузыри пускаю? Надеешься, она после этого тебя больше полюбит, да? Так она всю жизнь тебя любила, а меня все же предпочла, потому что я надежный, — она ведь расчетливая, ты ее не знаешь. Или знаешь? Она ведь никогда не хотела, чтоб ты у нас останавливался, или даже ночевал иногда, и чтоб я к тебе на Камчатку ездил тоже не хотела: ревновала тебя ко мне, а меня к тебе и боялась благополучие свое потерять. Благополучие, построенное на сделках с совестью... моих и ее...

Веня (*перебивает*). Я так и знал, что ты услышишь, что ты меня не бросишь. Ведь он затем и уплыл, чтоб тебя за мной прислать. Ведь это он во всем виноват, он меня за собой сманил, чтоб через меня доктора Астрова унижить. Но ты об этом деле и слышать не слышала, я бы тебе ни за что не рассказал, хоть ты всегда все обо мне знать хотела, во все нос совала, а я вот не сказал, и все. Я не рассказал, вот ты и не знаешь. Да что за толк тебе говорить? Ты бы только плакала, глотала валерьянку и пилила бы меня, а то еще лучше — напялила бы свой светлый брючный костюм и пошла бы к Д.А.. как ходила когда-то к классному руководителю. «Ах,

какая у тебя молодая мама, Веничка!» Ты ведь не соображаешь, что я уже взрослый, а ты уже старая, как утомленное солнце, и пора тебе прощаться с морем, все равно никого ты обольстить уже не способна...

Аркаша (*крик его все слабее, перерывы между выкриками больше, но все же он время от времени пытается толкать лодку*). Караул! Спасите! Тонем!

Алик роняет гитару. Вздронув, жена Астрова припадает к нему, они целуются.

Астров. Ну и как — нравится? Ведь ты всегда мне завидовал, что я с ней сплю, что она моя. А завидовать-то нечему! Грудь обвисли, шея обвисла, кожа шершавая, и главное — она же фригида! Ей-богу, совершенная фригида! Всю жизнь норовила избежать, притвориться спящей или больной, и так скучала, что и у меня всякую охоту отбивала. Это ты знаешь? А может, ты знаешь, что она только со мной фригида? Ведь у вас что-то было? Недаром она ни за что не соглашалась, чтоб ты у нас хоть раз ночевать остался — не могла перенести, что ты ее со мной в постели увидишь!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

От этого крика Венина Мама роняет карты, смотрит на часы, в ужасе прижимает руку к сердцу и озирается дико. Заметив целующуюся парочку, бросается к ним.

Веня. Да брось ты ревновать, не я это. Куда мне — я ведь только в прошлом году на Камчатке с женщиной в постели оказался в первый раз, а то все боялся: ты так меня запугала и стреножила, что я никак решиться не мог, все мне казалось, что ты рядом стоишь и подглядываешь. Да и в тот раз на Камчатке ничего путного не вышло, и все из-за тебя, из-за тебя, да и девка какая-то грязная была, не знаю уж, где Алик такую подобрал, и вдруг в самый такой момент я на нее твоими глазами посмотрел и ужаснулся: господи, да где это я? С кем это я? И все ты мне испортила, все, все испортила!

Астров (*перебивая*). Да и ты ведь уже не тот, так что может теперь она для тебя даже слишком хороша: ведь у тебя и триппер был, я знаю, ты не думай, мне одна блядь твоя сказала, как ты мучаешься, потому что, конечно, долечить до конца у тебя терпения не хватило. У тебя никогда ни на что терпения не хватало, только и мог ты меня травить, вечно судьей моим представляться, и всю жизнь я, как мальчишка, у тебя в подчинении был, всю жизнь — у такого ничтожества, у блядуна с недолеченным триппером!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Веня. Я ведь на Камчатку к Алику только для того и поехал, чтоб тебе назло: наврал тебе про командировку, а ты и поверила, а то б ни за что не отпустила, изобразила бы сердечный приступ или почечную

колику, уж я тебя знаю. А там мы и пили, и гуляли, и на медведя ходили — вот это жизнь была! И так мне хорошо там без тебя было, так свободно, так весело!..

Лодка медленно разворачивается и начинает покачиваясь уплывать со сцены, как бы растворяясь в лилово-алом сумраке. Над горизонтом рдеет кровавая горбушка солнца. Гитара надрывно продолжает «Утомленное солнце».

Астров. Алик, куда ты? Вернись, Алик! Не обижайся, не надо, это я так сболтнул — про триппер и про девок твоих, и про все, — я ведь знаю, ты бы ни за что не признался! Ну прости, ну не бросай меня тут, А-а-али-и-и-к!

Веня. Мама! Мама! Мамочка, куда ты? Ты же не хочешь, чтобы я, твой Веня, утонул? Ведь не хочешь? Это я все наврал, что мне без тебя хорошо было — мне никогда, никогда не было хорошо! Не было никогда! Не бросай меня здесь одного, ма-а-а-ама!

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Лодка скрывается, в воздухе как бы повисает оборванный гитарный аккорд.

Астров (к Аркаше). Ты, ублюдох, заткнись, наконец! Ты спугнул его своими воплями, из-за тебя он уплыл! Уплыл насовсем и бросил меня здесь! Бросил!

Веня. Ах, ты так? Значит, ты хочешь, чтобы я утонул? Хочешь, да? Ладно, я ведь всегда тебя слушался, всегда делал все, что ты хочешь... Раз так, я могу утонуть, для тебя, раз ты хочешь... *(отпускает лодку, оттолкнувшись от нее, тут же начинает захлебываться, поднимая брызги, и опять лихорадочно хватается за лодку.)*

Аркаша. Караул! Спасите! Тонем!

Астров *(подплывая к Аркаше)*. Не хочешь замолчать? Орешь? Ори-ори громче, ублюдок! *(Одной рукой пытается затолкнуть Аркашину голову под воду.)* Замолчи! Дай хоть умереть спокойно!

Аркаша *(вырываясь, вопит надсадно)*. Караул! Спасите! Тонем!

Астров *(толкая Аркашу)*. Замолчи! Замолчи! Замолчи!

В этот момент на сцену выплывает лодка, на этот раз реальная, в ней два Рыбака.

Первый Рыбак. А ведь и вправду тонут. А то кричат, кричат — я думал балуется кто.

Второй Рыбак *(вытаскивая Аркашу, который без сознания)*. Один есть, не дышит, но живой. *(Вместе с Первым вытаскивает Астрова.)* Глянь, а этот дышит. Холодные, видно давно в воде. Но должно быть живые, раз так громко на помощь звали.

Первый Рыбак *(вытаскивая Веню)*. Еще один, сколько их всего? Все, или еще есть?

Веня (*бормочет*). Мама, мама, Алика не забудь.
Алик там плывет, мама!

Первый Рыбак. А кто Алик? Он где? (*Трясет Веню.*) Где Алик твой? Нет, сомлел, откачивать придется.

Второй Рыбак. Тех двух, вроде, тоже откачивать и отпаивать. Совсем заледенели.

Веня (*в бреду*). Алик там, мама! Алика не бросай!
Алика!

Первый Рыбак (*трясет его*). Где он, Алик твой? Слышишь, парень, где Алик?

Веня. Там Алик где-то, мама!

Второй Рыбак. Да сколько вас было? Все тут?

Веня теряет сознание. Астров, приходя в себя, стонет.

Первый Рыбак. Этот, вроде, ожил немного.
Эй, парень, вас сколько было?

Астров. Сколько было — где было? (*Роняет голову со стуком.*)

Первый Рыбак (*трясет его*). Ты живой или нет? Сколько вас было в воде?

Веня. Алик!

Астров (*со стоном*). А сколько есть?

Второй Рыбак. Трое есть. (*Растирает потерявшего сознание Аркашу.*)

Астров (*тихо, почти беззвучно*). Трое нас и было.

Первый Рыбак. Значит, все тут?

Астров. Все, все тут. Все, все, все... (*Бредит.*)
тут, тут, тут...

Веня (*вскрикивает*). Алик! Мама, Алика не бросай!

Первый Рыбак. А кто тут Алик?

Астров. Какой Алик?

Первый Рыбак. Да этот все кричит про какого-то Алика. Где он, Алик?

Веня. Алик, Алик, мама, Алик...

Второй Рыбак. Так где же Алик?

Астров. Алик, Алик — какой Алик? Не знаю никакого Алика.

Первый Рыбак. Так был тут с вами Алик? (*Трясет Астрова.*) Где Алик?

Астров. Нет его. И не было. Не было никакого Алика! (*Теряет сознание.*)

Занавес

ЭПИЛОГ

И подошел Авраам, и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем. Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым, не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?

Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие.

Авраам сказал в ответ: вот я решился говорить Владыке, я, прах и пепел, может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город?

Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять.

Авраам продолжал говорить с Ним, и сказал: Может быть, найдется там сорок.

Он сказал: не сделаю того и ради сорока.

И сказал Авраам: да не прогневайся Владыка, что я буду говорить: может быть найдется там тридцать?

Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать.
Авраам сказал: вот, я решился говорить Владыке:
может быть найдется там двадцать?

Он сказал: не истреблю ради двадцати.

Авраам сказал: да не прогневайся Владыка, что я
скажу еще однажды: может быть, найдется там де-
сять?

Он сказал: не истреблю ради десяти.

Книга Бытия

СОДЕРЖАНИЕ

И. Рубин ...И наказание	3
Змей едучий	11
Матушка-барыня	31
Первое апреля	69
Победители	111
Утомленное солнце	137
Эпилог	187

**КНИГОТОВАРИЩЕСТВО
«МОСКВА—ИЕРУСАЛИМ»**

**АЛЕКСАНДР ВОРОНЕЛЬ
«ТРЕПЕТ ЗАБОТ ИУДЕЙСКИХ»**

Книга А. Воронеля — известного ученого и одного из руководителей еврейского национального движения в СССР — представляет собой философскую автобиографию, в которой воспоминания о жизненном пути перемежаются размышлениями о сущности и роли науки в современном мире, о природе человека и демократии и, прежде всего — о путях и судьбах еврейского и русского народа в их трагическом противостоянии и религиозном противоборстве.

Цена книги 20 ил. (\$4) с пересылкой.

**ИЛЬЯ РУБИН
«ПОЭЗИЯ. КРИТИКА. ПРОЗА»**

Публикации безвременно скончавшегося поэта и эссеиста Ильи Рубина, впервые собранные в этом сборнике открывают читателю широкий круг интересов этого талантливого автора. Яркое критическое дарование и блестящая эрудиция сочетаются в его творчестве с бескомпромиссной нравственной позицией. Философские, религиозные и культурные проблемы современности — таковы главные темы этой книги.

Цена книги 36 ил. (\$6) с пересылкой.

Заказы и чеки (на имя Р. Нудельмана) принимаются по адресу: Тель-Авив, п.я. 23121

R. NUDELMAN
P.O.B. 23121, TEL-AVIV
ISRAEL

Издательство «STAV»
предлагает своим потенциальным заказчикам

ОТЛИЧНЫЕ

условия издания в минимальные сроки и по доступным ценам.

Типография издательства оснащена современным оборудованием, позволяющим выполнять любые типографские работы на иврите и всех европейских языках, включая греческий.

Издательство «STAV» принимает заказы на издание научных трудов с формульным текстом.

У нас вы можете заказать все издательские и типографские работы, а также отдельные процессы издания вашей книги.

Наша традиция — выпуск самиздата в России. На такие издания — скидка.

Над адрес:

«STAV»
P.O.B. 11034, JERUSALEM
ISRAEL

Нина Воронель родилась в Харькове. Закончила физико-математическое отделение Харьковского университета, а затем литературный институт при Союзе писателей СССР. Приехала в Израиль в декабре 1974 года. Поэт, переводчик и драматург. Автор нескольких сборников детских стихов и многих стихотворных переводов, опубликованных в Советском союзе.

Ею написано десять пьес, известных в России только в Самиздате. Две из них поставлены в Нью-Йорке в Интер-Арт Театре в 1975 году.